

-
- [Великий пост. Духовные поучения](#)
 - [Предисловие к первому изданию](#)
 - [Перед началом Великого поста](#)
 - [На первой седмице поста](#)
 - [СРЕДА](#)
 - [ЧЕТВЕРГ](#)
 - [В Неделю Торжества Православия](#)
 - [В Неделю вторую](#)
 - [В Неделю Крестопоклонную](#)
 - [В Неделю четвертую](#)
 - [На пятой седмице поста](#)
 - [СРЕДА](#)
 - [ПЯТНИЦА](#)
 - [В Неделю пятую](#)
 - [На шестой седмице поста](#)
 - [В Вербное воскресенье \(Вход Господень в Иерусалим\)](#)
 - [На Страстной седмице](#)
 - [УТРЕНЯ ВЕЛИКОГО ПОНЕДЕЛЬНИКА](#)
 - [ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК](#)
 - [ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК](#)
 - [ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ](#)
 - [ВЕЛИКАЯ ПЯТНИЦА](#)
 - [ВЕЛИКАЯ СУББОТА](#)
 - [Краткие поучения причастникам](#)

Введение

Содержание

[О протоиерее Валентине Николаевиче Амфитеатрове](#)

О протоиерее Валентине Николаевиче Амфитеатрове

Валентин Николаевич Амфитеатров родился 1 сентября (по старому стилю) 1836 года в селе Высоком Орловской губернии. Он происходил из известного священнического рода, давшего русской Церкви таких видных иерархов, как митрополит Киевский Филарет и архиепископ Казанский Антоний.

В 1860 году после окончания семинарии и академии Валентин Амфитеатров был рукоположен в иерея и получил свое первое назначение на приход в калужский Благовещенский храм, но прослужил там недолго: вскоре — уже в сане протоиерея — его перевели в собор города Лихвина Калужской губернии. Он был смотрителем духовного училища в Мещевске, потом — настоятелем храма Поливановской учительской семинарии в Подмосковье, с 1874 года — настоятелем Константино-Еленинской церкви, неподалеку от Спасских ворот Кремля, а в начале 90-х годов был назначен настоятелем Кремлевского Архангельского собора.

В 1902 году отец Валентин потерял зрение, но вынужденный затвор мало что изменил в

труднической жизни пастыря: в квартиру на берегу Москвы-реки, а позднее в подмосковное Очаково приходили и приезжали тысячи людей, батюшка исповедовал, диктовал письма, проповеди. Позднее были изданы книги отца Валентина «Духовные беседы, произнесенные в Московском Архангельском соборе в 1896—1902 годах» (1909), «Воскресные Евангелия. Сборник проповедей» (1910), «Очерки из библейской истории Ветхого Завета. От Иисуса Навина до воцарения Давида» (1910) и другие. Но большинство из надиктованного батюшкой так и не увидело свет — рукописи сгорели при пожаре очаковского дома в 1970 году.

В 1908 году, 20 июля по старому стилю, отец Валентин скончался. Его похоронили на Ваганьковском кладбище. Осенью 1990 года могила протоиерея Валентина Амфитеатрова, оскверненная в 30-е годы, была восстановлена и освящена настоятелем кладбищенского храма.

Текст первого издания книги («[Великий пост](#). Духовные поучения протоиерея В. Н. Амфитеатрова». Москва, 1910) публикуется с редакционными изменениями: в частности, в соответствии с хронологией переставлены главы и уточнены их названия, сверены цитаты из [Священного Писания](#) и богослужебных книг.

Предисловие к первому изданию

Сочувственный прием, оказанный «Духовным беседам» покойного отца нашего протоиерея В. Н. Амфитеатрова, которые были нами изданы к годовому дню его кончины (издание разошлось в несколько недель), побудил нас продолжать начатое и выпустить в свет еще некоторые отделы из сохранившегося в рукописях Валентина Николаевича обширного запаса слов и поучений, сказанных в обоих местах его московского служения — в церкви Святых Константина и Елены и в Архангельском соборе. Ради возможной доступности избранные проповеди Валентина Николаевича печатаются нами не в виде одной значительной по объему книги, а в виде трех небольших сборников. Один из них, который и появляется теперь в печати, составлен из поучений, произносившихся Валентином Николаевичем в течение Великого поста, когда он проповедовал еще неутомимее, чем в остальном году, обращаясь и ко всей пастве, и, в частности, к детям духовным, готовившимся к принятию Святых Таин. В этом кругу проповедей особенным подъемом отличались те, которые произносились в Великую Пятницу. Поэтому и в настоящем сборнике они представлены в довольно значительном числе. Другой сборник, только что изданный нами под заглавием «Воскресные Евангелия», обнимает те проповеди, которые Валентин Николаевич посвящал истолкованию Евангелий, читающихся в воскресенье за обедней.

Проповеди воспроизводятся в том самом виде, как они сохранились в рукописях Валентина Николаевича. При этом необходимо заметить следующее. Так как Валентин Николаевич записывал все эти проповеди только для себя, то он не делал в рукописи указаний, которые он сделал бы, конечно, если бы сам приготовил свои произведения для печати. При чрезвычайной своей начитанности в русской и иностранной духовной и философской литературе, Валентин Николаевич охотно вносил в свои поучения отрывки из различных писателей и проповедников, которым удавалось особенно горячо и наглядно выразить ту или другую из мыслей, лежавших на пути его рассуждения. Записывая текст проповеди лишь для памяти, Валентин Николаевич не имел оснований точно обозначать подобные заимствования в особых выносках и ссылках. Снабдить же его труды такими примечаниями теперь, после его кончины,— это задача, которая в полном своем объеме едва ли может вообще считаться исполнимой. Издательницы и не принимали на себя ее решения. Однако мы сочли своим долгом предупредить об этом читателей во избежание всяких возможных недоразумений.

Л. В. Викторова

В. В. Амфитеатрова

Перед началом Великого поста

Наступает Великий пост. Семь недель святого поста, стоящие преддверием великого праздника во славу Христа Спасителя, по выражению святых учителей Церкви,— лестница, по которой христиане должны восходить к духовным совершенствам. Сумевший и успевший пройти твердой стопой по этой лестнице способен принять в себя дары Святого Духа и созерцать величайшее таинство Христова Воскресения.

Каков же должен быть наш пост, чтобы он был угоден Богу и спасителен для нашей души? Над решением этого вопроса человеку нет необходимости мудрствовать. Необходимые качества поста указаны в нынешнем Евангелии.

Первое условие нашего говения и христианского поста — незлобие души. Человеку гордому, человеку немиролюбивому, строптивому не доступны утешения истинного поста. Когда душу нашу обуревают злые воспоминания и неблагожелательность, когда наше сердце беспокойно волнуется чувством гнева, мести и ненависти, то мы не постимся и не говеем. В этом состоянии человек, хотя бы уста его и повторяли слова молитв, а слух внимал церковным песнопениям, не замаливает свой грех, но усугубляет его. В этом состоянии человек — раб страсти. Истинный же [пост](#) возбуждает в душе чистейшие, благороднейшие чувства любви. Трезво и разумно проходит пред сознанием человека великость той цели, к какой он направил свою душу. Достижение этой цели обставлено величайшими качествами любви. На пути к этой цели желающему должным образом провести Великий пост нужно ни на минуту не забывать обязанности быть кротким. Кротость и уступчивость — это первые одеяния христианского поста. Умение сдерживать гневный порыв, умение отдалить от себя зависть и соперничество, навык поступиться великодушно своими правами — это есть первое богоугодное начало поста христианского.

Продолжая идти в том же направлении, человек-христианин во дни поста должен выработать себе еще ценное добродетельное качество — снисходительность. В забывчивости о своих личных недостатках мы часто являемся грозными и страшными к человеческим ошибкам и проступкам. Горьким словом, презрительным взглядом мы унижаем личность другого человека. Это есть тот грех, который губит любовь нашей души. Благо тому, кто во дни поста успеет сломать и сокрушить в себе этот [грех](#) и на его место водворит в душе благожелательность, дружескую услужливость и другие чистые и честные свойства Божественной любви. Таким образом, главное и первое условие поста — приобретение человеком любви к человеку. Любящая душа, озаренная светом благодати, украсится дарами Святого Духа.

Второе условие христианского поста изображено в следующих словах Самого Иисуса Христа: «когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, лицемеры помрачают свои лица, чтобы явиться пред людьми постящимися» ([Мф. 6:16](#)). Лицемеры соблюдают правила поста и говения только напоказ людям, а не для Бога постятся. Они хотят, чтобы другие их считали постниками, а не для того, чтобы постом расположить свою душу к добрым делам и угодить Богу. Лицемерный пост оскорбляет Бога, отвращает Его любящее и правосудное око от человека.

Истинный пост должен быть предпринимаем для Бога, то есть для того, чтобы возможными — душевными и телесными — подвигами очистить душу от грехов, расположить ее к добру. Очевидно, такая душевная деятельность труднее, нежели лицемерное телесное пощение. Здесь человек находится в ежеминутном соприкосновении с своей совестью. Совесть постоянно напоминает человеку о смирении, о сокрушении сердца. Она постоянно показывает нашему

сознанию душу в ее неприглядных положениях. Когда больной человек видит осязательно язвы на своем теле, очевидно, в нем является глубокое горе. Он скроет эту язву и не будет ее выставлять напоказ, как услаждение своего самолюбия. Так и сознание духовного несовершенства есть первый шаг в стремлении его исправить.

Третье условие христианского поста, по учению Евангелия, это постоянное мысленное обращение человека к небесному счастью, приобретенному для нас Иисусом Христом. По наставлению святой Церкви мы должны постоянно молиться и думать о том, как бы получить Небесное Царство. Нас крестили младенцами в купели затем, чтобы мы попали в это Царство. Нас подводили к чаше Христовой только за этим. Словом, молитва наша, и общественная и частная — одинокая, есть просьба этого Царства.

Но чаще всего наша жизнь явно отрицает это стремление. У человека является в данном случае странное и непостижимое несогласие с самим собой. Это зависит от простой причины — от того, что многие из нас неясно, слабо и неопределенно представляют себе небесные блага и вообще душевные наслаждения. А между тем это представление небесного и чистого и составляет для человека истинное блаженство, истинный «источник воды живой», про который беседовал [Иисус Христос](#) однажды с женой самарянской ([Ин. 4](#)). Мы, привыкшие вести расчеты только с настоящей своей действительностью, похожи на людей, которые утоляют жажду мутной и гнилой водой. Но это удовлетворение незаметно несет за собой ослабление и расстройство сил. Душа человеческая не может быть довольна настоящим, ограниченным, чувственным. Ей необходимо блаженство не на время, но навсегда. Когда мы истинно любим, нам хочется любить не на срок, но вечно, вечно — бесконечно. Временное обладание — это эгоизм, чувство, недостойное человека, и есть не что иное, как животное услаждение чувств.

Когда мы смотрим на небо, на полные текущие весенние воды, на прекрасный луг, на шумящий лес, то всегда в душе является не столько радости, сколько томления. Душа чего-то ищет, куда-то стремится, облекается в думы и воспоминания, скорбит и изнемогает. Мы слушаем вой бури, гром тучи, пение, музыку и испытываем то же самое — вместе и радость, и печаль. Мало ли примеров, что люди плачут от самого прекрасного, усладительного пения? Что же все это значит? Это значит, что бессмертный дух наш, прикованный к страстной плоти, заключенный в беспорядок, суету и безобразие, слышит тогда стройный голос своей отчизны, видит, хотя неясно, неописанную красоту небесного блаженства, вспоминает свой нетленный, вечный рай. Итак, самое лучшее и высшее наслаждение наших чувств есть явное указание на небесное наслаждение. Так нужно смотреть на все чувственные наслаждения; это суть подобия вечного блаженства и непреходящей радости; они — прямые или косвенные напоминания о нем и призывание к нашему возделенному отечеству. Пусть каждый из нас поставит за необходимость стремление к высшим духовным наслаждениям. В них, только в них и небо, и вечность, и рай, и самые люди как ангелы. Эти наслаждения чистые и святые; они успокоительно ведут человека посреди сени смертной: они *возделенное отечество нам подают, рая паки жителей нас сотворяя*. Потому-то Спаситель в Евангелии, которое вы слышали, предупреждает: не ищите сокровищ на земле, ищите их в небе, ищите от неба указанным способом, ищите вечных благ, которых ни моль, ни ржа не истребляют, ни воры не крадут и не подкапываются под них ([Мф. 6:19](#)).

Вот урок матери нашей Церкви в день прощания нашего с грехами и суетой. Не будем учениками рассеянными и ленивыми. Этот урок весьма важен для тех, кто хочет говеть и кто хочет поститься. Аминь. Святая [Церковь](#) почти ввела нас в пречестные дни святой

Четырехдесятницы, «к очищению души и тела, к воздержанию страстей, к надежде воскресения».

Дни начинаются великие, и богослужение Церкви изменяет свой обычный характер.

В первой неделе поста Церковь устраняет обыкновенную светлую и боголепную

торжественность своих обрядов, для того чтобы ошутительнее показать нам необходимость смиренномудренного покаяния в духовном сокрушении и в мысленной думе о потерянном рае, об утраченной каждым из нас сердечной невинности.

В первую седмицу Великого поста сладкогласные песнопения умолкают; взамен их чаще слышатся покаянные псалмы Давида и молитва святого Ефрема о том, чтобы Господь отъял от нас дух праздности, дух гордости и празднословия и дал нам дух чистоты, смиренномудрия, терпения и любви.

В древние времена в этот день собирались египетские пустынножители для последней общей [МОЛИТВЫ](#) и, испросив друг у друга прощения и благословения, расходились, по окончании вечерни, по пустыням и келиям для уединенных подвигов в продолжение святой Четыредесятницы. Монастырские ворота запирались до Вербного воскресенья, когда пустынножители возвращались в церковь, проведши, подобно Спасителю, сорок дней в пустыне — в посте и молитвах.

Всегда Церковь повелевает благоговейное стояние в храме, но преимущественно в наступающую неделю. Знайте, что она положительно запрещает во время богослужения в эту неделю всякие разговоры. Чтобы не развлекалось внимание, Церковь советует думать в это время о своих грехах, вспоминать про неминуемую для каждого смерть, вспоминать будущие радости для праведников и тяжелые муки для грешников.

Посещая богослужение первой недели, вникайте в особенность его. Чтения и песнопения направлены к тому, чтобы человек сознал свой грех и обратился к Богу.

В первые пять дней поста сообщается история человеческого грехопадения. Грешит же человек всегда невоздержанием. Невоздержные [Адам](#) и [Ева](#) не могли вкусить плодов древа жизни; невоздержным христианам не послужит на пользу причащение Тела и Крови Господа.

В первые пять дней поста услышим мы грозный голос пророка Исаии против лицемерных постов и суеверного раскаяния. Именем Бога говорит пророк: «Ненавидит душа Моя ваш пост и вашу праздность. Когда прострете руки ваши ко Мне, отвращу глаза Мои от вас; если умножите моление, не услышу вас, потому что руки ваши хищнические... Отымите лукавство от душ ваших, перестаньте лицемерить, научитесь делать добро, избавьте обидимого, приютите сироту, утешьте вдовицу».

Вот в чем заключается истинный пост. *«Постящися, братие, телесне, постимся и духовне. Разрешим всякий союз неправды... всякое списание неправедное раздерем: дадим алчущим хлеб, и нищия безкровныя введем в дома».*

«И приступим Христу в покаянии вопиюще: Боже наш, помилуй нас».

И еще: *«Не соплетай на друга твоего зла. Не враждуй на человека туне... Господь гордым противится, смиренным дает благодать».*

Но особенное умиление и благочестивую настроенность в душе возбуждает канон покаяния, читаемый на повечерии... Весь он есть не что иное, как разговор человека с своей душой, с своей совестью...

Итак, братия, по милости Божией, начнем пост. Но будем поститься не телесно только, а главным образом духовно... Очистим свой ум бесстрастием, сердце — чистотой и волю — неуклонным исполнением своих христианских и человечески-потребных обязанностей. Да послужит всем нам пост, о чем и молится Церковь, во освящение и просвещение, в крепость и здравие души и тела, в погубление лукавых помыслов, помышлений и предприятий. Аминь.

На первой седмице поста

Благодарение Господу, дождались мы поста, и нам всем указано поститься. Но что значит поститься? Церковь сама взяла на себя преподать нам этот урок. Она призывает нас к воспоминанию одного из самых трогательных событий своей истории.

На земле находился земной рай. У ворот его стоял херувим с пламенным мечом. Вокруг рая — бесплодная пустыня, и в ней два человека. Эти два лица, мужчина и женщина, плачут и болезненно стонут: *«О, рай, увы мне! Твоей сладости не насладуся! Не узрю Господа моего и Создателя... В землю пойду, от нея же взят был. Милостивый, Щедрый, вопию Ти: помилуй мя, падшего».*

Знаете ли, чей это голос сегодня повторяет Церковь? Это скорбный голос наших несчастных прародителей, изгнанных из рая...

Но эта скорбь должна быть внятна и нам. Под этой грустью проходит вся наша жизнь. Адам и Ева скорбят у дверей рая, а мы тужим всю жизнь, пока не проводят нас также в лоно земли, от которой мы взяты, пока не успокоит нас земная могила.

Так вот где, в пустыне, у дверей рая, началась вся эта суетная жизнь со всеми ее скорбями, нуждами, страстями и надеждами, невоздержанием и постом, грехом и покаянием, верой и молитвой.

О чем же плакали наши прародители? Их занимали два предмета: настоящее бедствие и прошедшее блаженство. Первое производило у них *«сокрушение»*, а второе — *«обращение к раю»*.

Эти два состояния духа завещаны и нам. Если вы хотите путем поста достигнуть спасения, то предлагается Церковью вам два средства: первое — *«сокрушение о грехах»* и второе — *«молитва»*.

Без этих средств нет истинного покаяния. Оба средства делают нас способными принять участие в небесном рае, делают нас причастниками Святых Таин Христовых, радостно проводят христианина среди сени смертной, *«и возжеленное отечество подают нам, рая паки жителей нас сотворяя»*.

Итак, вот урок для начавших пост: сокрушение о грехах и молитва... Они низводят любовь Божию к грешному человеку, они возвращают потерянную чистоту и ведут на Небо и блудницу, и грешника. Аминь.

Настоящим днем закончились ефимоны этого года. Что такое за часть службы, называемая ефимонами, и в чем ее содержание?

Ефимоны — название греческое, в переводе на русский язык означает. «с нами Бог». Все содержание девяти покаянных песен однообразно: христианин-грешник обзирает свою жизнь, видит в ней пятна, которыми она опорочена, и старается уничтожить эти пятна раскаянием и упованием на милосердие Божие. Кающийся грешник, с лицом, обращенным к алтарю, закрытому занавесью, как к раю, закрытому для грешника, устами старшего представителя Церкви, своего духовного отца, выражает вслух те мысли и чувства, какие наполняют душу, готовую раскаянием вернуть чистоту, невинность и непорочность своей совести.

Церковь представляет человеку все доводы, что совесть есть чистое зеркало души, в котором она видит ясно себя и даже Бога; но в тусклом зеркале трудно заметить истинный свет.

В ефимонах Церковь убеждает человека в том, что незорная совесть всегда хранит непорочность: в устах человека — истина, а в делах — честность. Во всех наших действиях совесть, как яркая лампа, освещает нас всесторонне. В ефимонах Церковь говорит: что пользы человеку, если его хвалят, а обвиняет собственная совесть? Напротив, что может вредить человеку, если бы все напали на него, но обороняла бы только собственная совесть? Совесть — это великий наш судья: он не приклонится ни просьбами, ни дарами.

Где бы мы ни оказались, где бы мы ни были, совесть всегда с нами. Она носит в себе все, что в нее ни положим, как доброе, так и злое. Пока живет человек, совесть все за ним записывает на свои скрижали и в записанном отдает отчет умершему, то есть когда по смерти явится человек перед судом Божиим...

В ефимонах говорится, что источник человеческого благополучия и его бедствий находится в самом человеке. Что пользы больному смертельным недугом от того, что он лежит на золоченой и мягкой постели? Что за радость и удовольствие тому, кого совесть жжет и грызет, хотя бы он и гордился наружным благополучием и изобилием?

В ефимонах говорится, что существуют три судилища: суд людей, суд совести и суд Божий. От суда Божия и от суда совести убежать нельзя. Этим свидетелям не препятствуют ни стены и никакие ограды. [Бог](#) и совесть видят все наши помышления и все дела.

В ефимонах еще говорится, что собственное сознание унижает нас в то время, когда другие нас хвалят. Мы, сознавая за собой грех, презираем себя самих в то время, когда другие воздают нам знаки почтения; мы притворяемся довольными в то самое время, когда уныние и тоска мучат сердце. На смертном одре всего сильнее сказываются последствия доброй и злой совести. Так, если умирающий был добр, совесть возобновляет всю свою успокаивающую и утешающую силу. А если умирающий был человек нечестный, то совесть пробуждается со всем своим мучением и пытается душу за то, что человек презирал ее убеждениями в продолжение своей легкомысленной и беспутной жизни.

В ефимонах еще говорится, что нет на свете больше счастья, как чистая совесть. Где она находится, там есть истинное спокойствие, святое удовольствие, небесная радость, неустрашимость во всякой опасности и постоянное мужество под тяжестью неудач и бедствий. Совесть безвинному страдальцу говорит: «не имею в чем укорить тебя...» — и распростирает над ним во все дни его жизни радость и удовольствие.

Еще говорится в ефимонах, что христианская душа, утратившая дары совести, должна поспешить через покаяние и исправление вернуть их. Только при свете доброй совести воцаряется в душе благое спокойствие.

А спокойствие совести есть начало вечной жизни. С ним — радость в бедности, без него — ужас в изобилии. На Страшном суде ровно ничего не значит ложная похвала людская. Там не может причинить нам никакого вреда и клевета людская. Не люди на последнем суде нас оправдают или обвинят, но Сам Бог и наша совесть.

В ефимонах говорится, что наша совесть бессмертна, как и душа наша бессмертна. Мучения души будут столь же продолжительны, как будет жива совесть, то есть вечны. Мучения совести — это внутренний пламень, жгущий душу.

Но пока мы живы, есть средство успокоить совесть, есть средство зачеркнуть в ней греховную страницу наших дел и чувств. Средства эти — добровольный пост, благоговейная [молитва](#), чистосердечное раскаяние, которое пророк Иеремия называет слезами, погашающими пожар.

Мы взяли из содержания прочитанных ефимонов только одну мысль: о средствах приблизиться к Богу чрез очищение и освящение своей совести. Помолимся же, чтобы Господь нам помог управить свою жизнь, привести свою совесть в доброе настроение и от Господа, праведного Судии, принять венец истины... Чтобы нам наша совесть могла сказать: добрые рабы Божии, войдите в радость Господа: «в малом ты был верен, над многим тебя поставлю» ([Мф. 25:21](#)). И все мы, спокойные духом и чистые сердцем, приступим к святой чаше Спасителя, веруя, что Он даст нам узреть Себя и приобщит, то есть присоединит, нас Себе во веки веков. Аминь.

В Неделю Торжества Православия

Вера для человека составляет величайшее, ни с чем не сравненное сокровище. Она — дар живой и небесный. Тысячекратно счастлив тот, кто сохранил веру; жалок и беден тот, кто ее расточил, потерял или легкомысленно уничтожил. Чтобы не потерять веру, для этого требуется от человека зоркая осторожность.

Люди, у кого есть сокровища и драгоценности земные, обыкновенно прячут их от похищения в безопасном месте, берегут за надежными замками. Запорами и оградой веры служат разнообразные христианские установления, правила и обычаи. Отцы и деды наши соблюдали веру; они берегли и набожно хранили православные установления. Мы же, их потомки, на разные христианские обычаи или смотрим холодно до пренебрежительности, или же совсем их зачеркиваем, как необязательные, вовсе бесполезные для нашей нравственной цели.

Укажем на некоторые довольно поразительные в этом случае явления.

Прежде всего укажем на общественное богослужение в дни воскресные и праздничные. В не очень далекие времена, на нашей памяти, не быть за обедней в воскресный и праздничный день считалось не только грехом, но стыдом и позором. В праздник все шли в церковь, не только взрослые, но и немощные старцы; младенцев несли на руках туда. Присутствие в храме Божиим для наших предков составляло обязательнейшее из дел. Но теперь совсем иное. Не многие семьи могут заявить, что они безопустительно присутствуют на воскресных и праздничных богослужениях. Напротив, множество семейств может признаться в том, что под воскресенья и накануне праздников их члены совершенно свободно посещают целонощные зрелища, игры и забавы, после которых, разумеется, физическая усталость не позволяет даже и мысли об участии в общественной молитве. Да и что пользы такому богомольцу, который, не освободившись от груза всякого рода чувственных наслаждений, явился бы в церковь, где молитвы и песнопения полны задушевно умильными просьбами о помиловании, о спасении души, об исцелении душ озлобленных, бедствующих и нуждающихся в Божией милости и Божией помощи? В храме Божиим идет воскресная служба, к которой зовет громкий призыв колоколов, но этот призыв глухо отзывается в сердце беззаботных... Обычай пропускать воскресные и праздничные службы вошел в такую силу, что наше молодое поколение к нему привыкло. В глазах большинства это не кажется преступным, а между тем на самом деле с этим обычаем сломалась значительная ограда нашей веры. Не в диковинку встретить у нас так называемых ученых людей, которые позабыли уже главный состав наших общественных богослужений. Они путают молитвы литургийные с молитвами всенощной, путают числа праздников, забывают значение праздников. Таким образом, в делах православной веры некоторые бояре стали на одну линию с неграмотными простецами; и тот и другой в области Православия как в темном, безвестном лесе.

Другое учреждение церковное — посты. Тягостно даже говорить, во что они обратились во многих православных христианских семьях. Образовалось разделение столов и трапез: обеды скоромные, обеды рыбные, безрыбные. Это разделение само по себе уже есть раздробление взглядов и убеждений на установление поста. В суждениях об установлении поста слышится то явное, нескрываемое негодование на пост, который будто бы несовместен с духом свободы христианства, то какое-то снисходительное отношение к посту: одни не признают поста, другие измышляют свое деление поста, дают ему свой устав, третьи, желая не оскоромиться, пускаются в истинное сластолюбие — множеством разнообразных блюд стараются облегчить немощи свои... Трудно даже сказать, много ли найдем лиц, которые твердо держатся убеждения

православно-христианского, что «не о хлебе едином жив будет человек, но овсящем глаголе исходящем из уст Божиих» ([Мф. 4:4](#)). Легкомысленные воззрения на пост расшатывают его установления в православном обществе. Расшатывая пост, ослабляют самую веру. Известно, что, если неприятель, осаждая крепость, заметит в ней хоть маленькую брешь, он усилит все свои средства, чтобы нанести чрез это слабое место возможно больший вред всей крепости. Так и в делах веры: враг нашего спасения чрез ослабление поста в христианском обществе не преминет сделать более успешные нападения. После ослабления и нарушения нами поста что может препятствовать нам нарушить и евангельские заповеди и так далее? Ведь все преступления начинаются с «малого» и уже потом опытностью доходят до большего и ужасного: в морозный холодный день в несколько часов через открытое малое отверстие можно остудить самое теплое помещение. Так в тяжелое, смутное время постепенно совершается утрата религиозных начал: сперва отрицается малое, а потом больше, а потом уже все святое, благочестивое и священное.

Говорят, что хотя в наше время народ мало ходит в церковь, хотя мало или совсем не постится, зато в нашем обществе более, чем прежде, развит «дух христианства»; евангельские заповеди, проповедуемые Церковью отвлеченно, вошли в дух, цели и деятельности общества! Где же и в чем состоят плоды этой веры? Мы видим, что общественные и частные силы погружены в заботы о жизненных удобствах: всюду широкое требование, широкие и безграничные потребности, а отсюда — ненасытная жажда корысти, прибыли, барыша, всюду погоня за богатством, за добычей... Между тем заповедь евангельская ясна и проста: что пользы человеку, хотя бы он, если бы то было возможно, приобрел целый мир, а душу свою потерял ([Мк. 8:36](#)), душу, которую ему ничем не выкупить из вечных мук адских?

Далее, всюду нынче проповедуют гражданскую честность, а между тем то и дело слышится про лихоимство, про кражу общественных, государственных и казенных сумм! Христианство проповедует общую честь человеческую, оно просто говорит: живи своим, не бери чужого, не завидуй имущему, будь доволен тем, что имеешь по закону Божию и человеческому.

Далее, кому же неизвестны у нас расточительность и мотовство? С каждым ветром меняются моды платьев, уборов и нарядов. Кому неизвестно у нас искажение вкуса в забавах и развлечениях?! Это, разумеется, не признак усвоения нами веры, а те тусклые факелы, видя которые мы знаем, что сзади их шествует погребальная, печальная процессия...

Как бы ни было, а нам, православным христианам, не следует забывать и оставлять благочестивых обычаев своих отцов. Для этой цели теперь время самое благоприятное. Пост святой Четыредесятницы только что начался: можно по привыкнуть к добрым делам, если захотим. Пост — дело святое; в это время Церковь все свои меры употребляет для того, чтобы оживотворить нас верою и возбудить в нас чувство раскаяния и исправления. Аминь. отсюда — ненасытная жажда корысти, прибыли, барыша, всюду погоня за богатством, за добычей... Между тем заповедь евангельская ясна и проста: что пользы человеку, хотя бы он, если бы то было возможно, приобрел целый мир, а душу свою потерял ([Мк. 8:36](#)), душу, которую ему ничем не выкупить из вечных мук адских?

Далее, всюду нынче проповедуют гражданскую честность, а между тем то и дело слышится про лихоимство, про кражу общественных, государственных и казенных сумм! Христианство проповедует общую честь человеческую, оно просто говорит: живи своим, не бери чужого, не завидуй имущему, будь доволен тем, что имеешь по закону Божию и человеческому.

Далее, кому же неизвестны у нас расточительность и мотовство? С каждым ветром меняются моды платьев, уборов и нарядов. Кому неизвестно у нас искажение вкуса в забавах и развлечениях?! Это, разумеется, не признак усвоения нами веры, а те тусклые факелы, видя которые мы знаем, что сзади их шествует погребальная, печальная процессия...

Как бы ни было, а нам, православным христианам, не следует забывать и оставлять

благочестивых обычаев своих отцов. Для этой цели теперь время самое благоприятное. Пост святой Четыредесятницы только что начался: можно попривыкнуть к добрым делам, если захотим. Пост — дело святое; в это время Церковь все свои меры употребляет для того, чтобы оживотворить нас верою и возбудить в нас чувство раскаяния и исправления. Аминь.

В Неделю вторую

Прошло две недели Великого поста, в которые Православная Церковь призывала нас к исправлению, раскаянию. Она, как нежная и любящая мать, предлагала нам пройти святую Четыредесятницу под ее руководством. Предлагала и предлагает она нам правила жизни, поучая одних, кротко обличая других, поддерживая и укрепляя на истинном пути третьих.

Но многие из нас ее совета не слышали или же не обращали внимания на эти призывы. Для многих из нас время несется вперед, как бурный вихрь, увлекая нас за собой, как бездушные, лишённые самостоятельных сил предметы. И мы, влекомые все дальше и дальше, находимся в странном положении людей, имеющих глаза, но не видящих, имеющих уши, но не слышащих. Гроза гнева Божьего гремит над нами, а мы под ее молотом приходим все в большее и большее умоисступление. Люди из себя представляют истуканов, не чувствующих ни знамения времени, не вразумляющихся наставлениями Церкви, глухих к голосу разума, холодных к мольбам чувства и укорам совести.

Время безостановочно свершает свой ход, и мы только считаем число дней и страшных бед, испытываемых нами, не вдумываясь в их внутреннее значение. Между тем страшные дни заключают в себе грозное назидание и поучение. Мы должны видеть причину случающихся несчастий в себе самих. Губит себя отдельный человек, губит себя и целый народ грехами. Умножение грехов умножает болезни и виды болезней, сокращающих нашу жизнь.

Видимый и явный грех нашего времени — самолюбие, презирающее закон Божий, закон государственный, закон природы. Человек не хочет сдерживать своих похотей, не считает необходимым воздержаться. Кому неизвестно, что масса людей гибнет от объядения и пьянства? Начало этих двух грехов лежит в том, что люди презирают требования Церкви, заповедующие воздержание и трезвость. Если человек нарушил эти требования, то он нарушит требования и те, которые предлагает ему общество.

В дни установленного поста люди ведут жизнь зазорную, не отличая пост от других дней. Когда людям не совестно нарушать пост перед обществом, тогда они идут еще дальше: они пресыщаются и упиваются. И таким образом нарушают третий закон, закон природы. Наказание за нарушение этих требований не опаздывает: мы видим целую массу несчастий, проистекших от невоздержания. Явно и душевные пороки ведут за собой неисчислимы несчастия.

Церковь, как нежная мать, учит смирению, государство — самоуважению, природа — поддержанию в себе человеческого достоинства. И опять мы свободно нарушаем эти законы, а за нарушением, как тень за телом, следуют горе и бедствие. Где причина всех наших внутренних и внешних затруднений? В нежелании исполнять закон Божий. Где причина наших безрассудных предприятий и несчастных неудач в предприятиях? В том, что мы беремся не за свое дело, беремся горделиво провести корабль через бурные пучины океана, когда еще неопытны в плавании на реке в лодке. Где причина отсутствия у нас характера, воли? В том, что мы слишком своеобразно и своевольно живем, не ставим для себя ни меры, ни цели. Оттого-то живем долго, а жизнь проходит без удовольствия и наслаждений, Богом назначенных человеку на земле. Человек не бывает в храме, не знает наслаждений, какие дает ему Божье слово, Божественные службы. Человек вольно живет в семье, любит лишь себя самого — оттого он не понимает семейной радости и не ощущает в себе самом чувств великодушия, преданности, любви. Привыкнув жить для себя и в себе, он не понимает народного горя, не понимает народных печалей и делается похожим на истукана, которого где ни поставь, он будет безгласен и бесчувствен.

Но Церковь опять неумолчно зовет к исправлению. Спаситель зовет нас «к вере». Уверуем

и исцелимся; и тогда Он нам скажет, как сказал исцеленному расслабленному ныне в Евангелии: «отпускаются тебе греси твои»: вера твоя спасла тебя ([Мк. 2:5](#)). Аминь.

Время Великого поста день ото дня сокращается для христиан. Дни идут своей очередью, приближая нас к неделям праздников Воскресения Христова. Радость ожидания возбуждает наши чувства, и, с другой стороны, грусть охватывает душу, когда совесть говорит сердцу, что мы проводили время поста не так, как следовало бы истинным христианам.

Однако время еще не все миновало в вечность. Евангелие и Церковь не умолкают проповедовать покаяние и призывать к покаянию: «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» ([Мф. 4:17](#)). Это были первые слова, которыми началась [проповедь](#) Иисуса Христа. Следовательно, спасение души и покаяние — две истины, одна от другой неотделимые, одна без другой немислимые. Без покаяния нет спасения.

Первый приступ к покаянию со стороны человека состоит в том, чтобы он обратил свои мысли и желания к возвещаемому Евангелием Царствию Божию. Нет особенного затруднения человеку оглядеть свою душу. Во время этого осмотра совесть и память покажут человеку его мысли, чувствования, желания и действия. Человеку остается работа устроить свой душевный мир таким образом, чтобы на место злых мыслей и грубых намерений поставить добрые; взамен порочных, мрачных желаний поставить добрые; злую, жестокую, упорную свою деятельность изменить на труд добродетели, святости и чистоты. В этом состоит начало и потребность покаяния. Следовательно, весь труд человека заключается в одном — устроить себя согласно с требованиями человеческого достоинства. Победим узкое себялюбие, любовью преодолеем эгоизм, растлевающий душу,— вот условия истинного покаяния.

Мы так привыкли слышать жалобы на то, что жизнь *скудна*, и сами нередко жалуемся, что жизнь тяжела. Скука и тяжесть жизни — это два давления, которыми принижается радость существования. Нет дня в нашей жизни, на который мы могли бы указать как на светлый и незапятнанный. Нет такого дела, которое мы успели кончить без тревожной мысли о его несовершенстве. На всем предпринимаемом нами отражается видимая немощность, влекущая за собой недовольство. Чем человек дальше живет, тем жизнь делается все труднее и скучнее. На душе лежит бремя, сердце болит, ноет. Снять эти оковы с человека всеильна одна благодать Божия. Эта благодать подается в покаянии. Эта благодать очищает и исцеляет душу. Только в разумной исповеди слагается с души бремя, ибо это бремя есть не что иное, как сумма наших же грехов. Ни от чего иного не получится оздоровление душевных сил, как от покаяния. Здесь действуют силы благодатные, всемогущие, врачующие, успокаивающие и просвещающие человека. Без этого средства жизнь человеческая, хотя бы она была обставлена роскошью богатства, почестями славы, красотой молодости,— бремя нелегкое и полное душевной муки...

Благодать Божия не забывает ни одного человека в мире. В списках человечества пред очами Всемогущей Правды бездольных, несчастных нет. Бедные и богатые, убогие и славные, старые и молодые, красивые и некрасивые — все равные дети Небесного Отца; всем до единого выносятся одна чаша Тела и Крови Христовых, всем до единого предлагается быть участниками жизни вечной. Приступить к этому равенству, к этому союзу во Христе, принять благодать Божию в себя доступно только «чистому сердцем». Без внутренней чистоты человека не озарит благодать Божия. Принять благодать Божию — значит, другими словами, принять в себя Господа. Господь же только той душе сообщается, которая полна чистыми мыслями и благими намерениями, а ни мысли добрые, ни намерения благие невозможны без раскаяния, без очищения себя душевным самосознанием. Христос осенил благодатным успокоением души мытарей и блудниц за то одно, что они, слушая учение Его, каялись и исправлялись.

Раскаяние — одно из тех спасительных для человека средств, которым возможно воцарить

в душе успокоение и утешение. Сам Спаситель обещал успокоить и обрадовать всех утружденных и обремененных ([Мф. 11:28](#)). Он же, как милосердый Отец, обещал позабыть все наши беззакония: «беззаконник аще обратится от всех беззаконий своих, яже сотворил, и сохранит вся Моя заповеди и сотворит суд и правду и милость, жизнью поживет и не умрет; вся согрешения его, елика сотворил, не помянутся ему» ([Иез. 18:21, 22](#)). Примеры спасительного раскаяния, выставляемые Священным Писанием и историей Церкви, трогательны. Царь Давид загладил свое тяжелое преступление покаянием. Апостол Петр очистил свое троекратное отвержение горькими слезами. Какое важное дело сделал разбойник, что получил рай в несколько минут? Принес покаяние. Мария Магдалина заслужила любовь Христа тем, что омыла Его ноги слезами покаяния.

Эти примеры и приведенные убеждения в необходимости покаяния указывают сами собой обязанность христианину исполнить этот спасительный долг. Нам это нужнее, нежели было нужно нашим отцам. Наше время до того исполнено разными злоупотреблениями, что человек поневоле вынуждается задавать себе вопрос о свободном выходе из уз греховных. У кого из нас не болела душа и кому не нужно духовное врачевство?

А между тем вместо того, чтобы искать исцеления, мы позволяем привычкам и наклонностям делать свое злое дело. С каждым днем подрастает себялюбие, житейский расчет, подрастает и увеличивается разьединение, недовольство. Над душами стоит словно диавол с отравой уныния и отчаяния и готов их затуманить и опьянить. В данном положении благоразумный христианин должен опомниться. Он не должен пренебрегать тем, что душе его сообщит свет и радость. Он не должен отлагать покаяния... Отлагать покаяние значит умножать тоску жизни, умножать число грехов. Если же один грех, по слову апостола Иакова, рождает смерть ([Иак. 1:15](#)), то сколько смертей рождается с появлением многих грехов?

Нельзя пропустить без замечания одного признака наших нравов. Мы одушевлены добрыми намерениями; планы нашей жизни начертаны искусной рукой. Нынче один говорит много о хороших чувствованиях, завтра иной много рассуждает о добре, об истине и красоте... Все это могло бы быть очень похвально, если бы не имело в себе характер легкомыслия. Приходится встречаться со многими, весьма многими благими намерениями и чувствованиями, но они подобны нежным прекрасным цветам, которые вянут от зноя, зябнут от холода и ломаются от ветра. Сегодня примечается такой горячий порыв души, который способен разогнуть железо, — а завтра уже он остыл, его нет ни в мыслях, ни в чувствованиях. Сегодня тяжелый вздох о спасении, слезы, как ручьи благодатной целебной воды, льются из глаз стремящихся узреть благочестие и спасение — а назавтра видим иное, как бы в подтверждение того присловия, что слова и слезы так же коварны, как вода. Оказывается, это были не слезы умиления, а слезы возбужденного состояния. Что нынче принимаем, то завтра отвергаем. Легкомыслие — вот камень преткновения на пути правильной жизни; оно может быть устранено только покаянием. Будем же внимательны к Христовой заповеди о покаянии. «Покайтесь, ибо приблизилось царствие Божие..» зовет Спаситель! «*Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!*» — не перестает, рыдая, воспевать наша нежная мать, Православная Христова Церковь. Аминь. «Грех же содеян рождает смерть» ([Иак. 1:15](#)), то сколько смертей рождается с появлением многих грехов?

Нельзя пропустить без замечания одного признака наших нравов. Мы одушевлены добрыми намерениями; планы нашей жизни начертаны искусной рукой. Нынче один говорит много о хороших чувствованиях, завтра иной много рассуждает о добре, об истине и красоте... Все это могло бы быть очень похвально, если бы не имело в себе характер легкомыслия. Приходится встречаться со многими, весьма многими благими намерениями и чувствованиями, но они подобны нежным прекрасным цветам, которые вянут от зноя, зябнут от холода и ломаются от

ветра. Сегодня примечается такой горячий порыв души, который способен разогнуть железо,— а завтра уже он остыл, его нет ни в мыслях, ни в чувствованиях. Сегодня тяжелый вздох о спасении, слезы, как ручьи благодатной целебной воды, льются из глаз стремящихся узреть благочестие и спасение — а на завтра видим иное, как бы в подтверждение того присловия, что слова и слезы так же коварны, как вода. Оказывается, это были не слезы умиления, а слезы возбужденного состояния. Что нынче принимаем, то завтра отвергаем. Легкомыслие — вот камень преткновения на пути правильной жизни; оно может быть устранено только покаянием. Будем же внимательны к Христовой заповеди о покаянии. «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие», — зовет Спаситель! *«Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!»* — не перестает, рыдая, воспевать наша нежная мать, Православная Христова Церковь. Аминь.

В Неделю Крестопоклонную

Вот уже целых три недели прошло с тех пор, как вступили мы на путь поста. Часть пути уже пройдена. Но как? Житейская мудрость говорит: *«Кто хорошо начал, тот совершил уже половину дела»*. Можем ли мы это доброе присловье приложить к себе? Как бы то ни было, мы на пути. Возвращаться назад не следует, остановиться на полдороге — скучно и недостойно. Нам следует идти вперед. Но как идти? В решении этого вопроса является добрым советником наша Церковь.

Она указывает нам на то, чтобы мы сознали, взвесили свои собственные грехи. Пост, воздержание и говение для того и нужны, чтобы человек взгляделся в себя и увидел бы свое внутреннее «я». Обычно наша жизнь представляется нам той роковой необходимостью, при которой мы самих себя стараемся во всем извинять, прощать и оправдывать. Мы стараемся заговорить свою совесть, представляя, что мы не делаем грехов и подвержены только слабостям. Не погружаясь в глубину своей души, мы со смелостью высокомерного и дерзкого фарисея говорим себе: *«Мы не воры, не разбойники, не грабители, не прелюбодеи — а на самом-то деле мы заражены грехами от головы до ног»!* В опьянении своими видимыми добродетелями мы не замечаем, что червь страстей подтачивает наше человеческое достоинство, и мы стоим на краю бездны, готовой нас поглотить. В этом состоянии мы уподобляемся тому несчастному, который в необузданной и безрассудной веселости предается пляске, не предчувствуя, что за ним стоит апоплексия, готовая отнять у него навеки способность движения. Церковь говорит нам: *«Пост вам не будет в пользу, если вы в течение семи недель будете настолько безвольны, что не вспомните своих грехов и не раскаетесь в них пред Господом. Ваш пост будет не в спасение, если вы в течение его не сделаете ни одного доброго подвига, ни одного достойного христианского дела»*.

Церковь велит нам во дни поста беспристрастно оценить себя. Она в самопознании видит единственно верное и необходимое средство к христианскому совершенству. Пока дух самопознания не охватит нашего сердца, вся наша жизнь будет сцеплением греховных действий, грешных чувствований и помышлений. Чтобы приобрести самопознание, нужно требовать отчета у своей совести. Чтобы совесть не оглохла, для этого необходимо в течение суток час или два проводить в уединении и свою душу окрылять страхом Божиим. Чтобы пост послужил нам в пользу и удовольствие, нужно положить хранение на свои уста и вникнуть в себя. Вникнуть в себя — это значит поставить себя перед судом совести и пред суд Божий.

«Кто ты и чьей веры?» — спрашивает у нас совесть. Отвечаю: *«Я один из учеников (или одна из учениц) Иисуса Христа»*.

Вера Иисуса Христа велит и жить, и думать, и делать, руководясь одним чувством — любви к Богу. *«Так ли поступаешь?»* — спрашивает совесть. Что мы ей отвечаем? Большая часть из нас должна ответить: *«К сожалению, мы любим больше себя, нежели Бога. Все наши мысли и деяния вертятся, как флюгер, на одном месте, все на самолюбии»*... *«Стыдно тебе»*, — скажет совесть. Далее: Иисус Христос Сам был смиренный и кроткий и научал смирению и кротости. Если ты идешь за Христом, крестился во Христа, есть ли в тебе смирение, не обуревают ли тебя гордые мечты, тщеславные заботы? Устыдись, подсказывает совесть.

Далее: Иисус Христос велел любить ближних. Он всю Свою жизнь принес человеческому роду... А вы, Его ученики и ученицы, часто ли думаете о том, чтобы как можно более произвести добра для других людей, или живете в себя, для себя только? Устыдитесь!..

Далее: Иисус Христос требовал, чтобы верующие в Него побеждали одолевающие их страсти и избыток всякого рода зла... А вы так живете? Не большая ли часть дня и ночи уходит у

вас на раздумье об удовольствиях, о приобретении богатства, почести и так далее? Устыдитесь!

Далее: Иисус Христос учил о Царствии Божии, о приобретении духовных благ. Он желал, чтобы не было между его учениками лентяев, тунеядцев, пьяниц и невежд. А вы каковы? — спрашивает совесть. Не таковы ли вы? Устыдитесь!

Далее: Иисус Христос любимым Своим ученикам говорил о самоотверженном служении: чтобы каждый с любовью и упованием нес всякую скорбь, всякий крест, какой промыслу Божию угодно возложить на нас. Можем ли мы сказать, что несем свой крест без ропота?..

Не перечить всего того, о чем говорит с нами совесть. Нам трудно отвечать ей. Посмеет отвечать ей утвердительно разве только тот самонадеянный, самохвальный безумец, который вытолкнул свою совесть за дверь, подобно безбожному и беспутному сыну, выгнавшему из дому свою мать.

Но тот, у кого совесть не утеряна и на месте, кто слышит ее правдивый и звучный голос, — тот познает свое греховное состояние; тогда ярким светом обозначится величайшее значение поста, воздержания и говения. Пред душой такого человека восстанет образ Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа... Образ плачущий, образ грозный... Плачущий Спаситель: Его слезы о нас, мы удалены от Него; мы удалены от истинной жизни; мы растрачиваем Его святые дары, мы во [злу](#) употребляем свою жизнь и, в глупом неведении, сами не знаем, зачем дана она нам, зачем мы живем!

Но еще остается четыре недели поста — времени немало; познаем, почувствуем свои ошибки и падения и постараемся сердце свое наполнить искренним, всецелым и непритворным желанием быть христианами не по имени, а по жизни, не на словах, а на деле. Это будет для нас плод говения и пощения. Аминь.

Слава Богу, показавшему нам свет. Для подкрепления нашей веры и достойной христианина нравственности святая мать наша Церковь изнесла из алтаря для нас крест Господа.

Господь наш, распятый с распростертыми руками, взывает: «Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет» ([Мф. 16:24](#)). Это призыв к самоотвержению, к несению креста и к последованию своему Господу.

Взгляните на самое положение на Кресте Спасителя. Оно — спокойное.

Во время Его распятия все было в страшной тревоге: земля колебалась, небо омрачилось, горы расседались, гробы издавали мертвецов, преданные Распятому люди «били в перси свои» и горько плакали; враги, несмотря на свое видимое торжество, что убили праведника, цепенели от страха совести своей. Один только распятый наш Спаситель был совершенно покоен. Он с Креста, как царь с престола, делал распоряжения и в раю, и на земле, и в самом аде: рай обещал покающемуся разбойнику, на земле устроил судьбу плачущей Своей Матери, в аде проповедовал покаяние не успевшим исправиться, грешникам.

Отчего же в Спасителе такое чудное спокойствие среди самых тяжелых страданий? От всецелой преданности Его воле Бога Отца. Он страдал, Он молил, как человек, чтобы чаша страданий была пронесена мимо Его. Но наступила минута, которую Он завершил молитвой: «Не моя воля, но Твоя да будет» ([Лк. 22:42](#)). После этого Спаситель уже не молился о мимонесении предопределенной Ему чаши страданий, но, видя в самых страданиях славу Свою — Божию, молился так: «Отче, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную» ([Ин. 17:1—2](#)). Господь показал этот образец, чтобы и мы искали спокойствия в совершенной преданности воле Божией. А потому требует от нас самоотвержения, говоря: «Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе». Он как бы так говорит: кто хочет достигать предписанного в Евангелии совершенства, тот отрекись от своей воли и живи так, как Бог велит, потому что без

воли Божией и волос с головы вашей не падает. Не обращай внимания на приятное и неприятное для твоего самолюбия. Не надейся на сильных покровителей и не сердись на своих видимых врагов.

Приятное даруется тебе, чтобы ты не унывал, а неприятное — чтобы ты не забывался. Сильные мира могут оказать тебе поддержку, если дозволит это Бог, а притеснители могут душировать тебя, позорить, вредить, пока попустит им Бог. Возведи ум и сердце горе, к Богу,— сам поверишь, что решительно всем управляет Бог. Без воли Божией можно делать зло, но и самое зло ведет к тому, чтобы яснее и милее стало добро.

Вот почему Спаситель наш требует от Своих последователей самоотверженности и преданности воле Божией, а губитель мира — диавол внушает своеволие. Он всячески старается унижить в человеческих глазах цену самоотвержения и преданности воле Божией.

Возьмем важные часы в жизни каждого из нас, когда мы произносили обеты на добро, на самоотвержение, на послушание воле Божией. За примером нам недалеко ходить.

Осмелюсь взять себя самого. Помню, когда мне предложена была степень священства, я горячо произносил обеты, соединенные с этой степенью. Я желал быть тем, чем должен быть настоящий священник. Даже более, чем мне предлагали, чего от меня требовал формальный закон: я изучал священническую ставленную грамоту на память, от слова до слова, по совету рукополагавшего меня архиерея, но я ее дополнял и усугублял. Мне хотелось быть тем, как говорит пророк: рукой — безрукому, ногой — хромому, глазами — слепым и так далее. Когда я мнил быть должным священником, то диавол молчал и только злобствовал, выжидая для себя удобной минуты. Потом стал мало-помалу нашептывать в мысли житейские попечения, от которых суживались более и более обеты самоотвержения. Стали посещать иные мысли, и говорили они мне о том, что надо брать пример с живых лиц, славных в мире сем, а не с тех, которых жизнь, мысли и дела утверждены на заповеди Иисуса Христа: живи, как другие... иди за толпой, будешь сыт, будешь жизнерадостен и так далее. Таким образом диавол уносил из нашего сердца не только желание добра, но и данные обеты.

Вот еще образец: вижу человека, жизнь свою готового положить за просвещение других, жить и умереть на работе мысли и духа... И тут, когда дается обет, диавол молчит, но избирает минуту и, насмешливо смотря на твой труд, он показывает тебе гору, которую будто бы ты хочешь снять одной своей рукой, и, увы, клеветник и завистник святых уносит из сердца желание прекрасного труда, и пред нами является человек — не христианин обета, а тщеславный торгаш, умеющий своею духовной силой не просвещать, а поработать ближних.

Вот еще пример: сходятся жених и невеста. Они ясны и невинны, любящие и любимые; истинно во образ Христа и Церкви два существа. О, как они прекрасно начертали свою совместную будущую жизнь: они будут примером религии, нравственности, добродетели, вечной любви и верности друг к другу, их дом — теплое солнце с весенними лучами, их дом — рай земной; они уже на земле члены Царствия Небесного. Вот сочетались они... Диавол не мешал им, он дышит злобой и ждет своего времени. Проходят месяцы и, редко, годы... И диавол врывается в их мысли: почему мы так живем, соседи наши живут иначе, весь мир живет иначе: и ссорятся, и сходятся, и изменяют друг другу, и делают все для того, чтобы, как говорится, не стеснять себя... Семья уже не рай, а узы — не легче тюрьмы, а сами они — о, как они изменились! Заурядные люди, которым хочется счастья, а счастья-то нет ни себе, ни другим. Теперь это нечестивые. Они в жизни бегут, гонимые страхом, хотя за ними и никто не гонится. Растоптав союз одной дружбы, они ищут счастья с другими и никогда, нигде не найдут...

Да, братья и сестры, возлюбленные! Распятый Христос простирает к нам Свои пречистые руки. Он готов принять нас, как отец принял блудного сына, возвратившегося к нему из страны дальней. Вернем, братие, лучшие наши желания идти со Христом, быть Христовыми и вперед

уже не удаляться от Него на пути своей воли или вредного подражания так называемым практическим правилам людей, у которых желания только срочные, земные. Эти желания — порывы похоти и очес.

«Иже в шестый день же и час, на Кресте пригвождей в раи дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас» (тропарь шестого часа). Аминь.

«Явися, великий Господень Кресте! Покажи ми зрак божественный красоты Твоя ныне».

Такими словами песнословит святая Церковь нынешнее празднество!

Крест Господень улаждает горести и все бедствия и искушения верующих, песнословит святая Церковь.

Итак, ничего не может быть приличнее в этот раз, как беседовать о Кресте, который Христова Церковь предлагает нам для поклонения.

Все мы более или менее подвергаемся бедствиям в этой жизни и имеем нужду в утешении. Утешение человеческое, к которому прибегаем в наших горестях, всегда слабо, ненадежно и неполно. Ибо наши утешители такие же люди, как и мы сами, подобно нам, имеющие нужду в помощи других. Один Крест Господень всегда всем и во всех несчастиях может подать истинное утешение и верную отраду.

Но отчего происходят наши скорби?

Чаще всего людские страдания вызывают телесные недуги. Болезни, как неотступный враг, досаждают человеку, лишают его прирожденной красоты, лишают покоя, пугают неизлечимостью и [смертью](#)... Но пусть больной обратит свой взор на Крест. Кого мы видим на нем? Мы видим Господа нашего, всего изъязвленного, покрытого ранами от ног до головы и претерпевшего всевозможные телесные страдания, чтобы возвратить страждущему нашему телу не только здоровье и естественную красоту, но и даровать ему славное бессмертие.

Криклива скорбь у человека о недостатках в этой жизни. Плачет мать, когда видит, что голодны или худо одеты ее дети; горюет отец, не имея возможности избавить свою семью от житейских лишений. Да, скорбь человека в борьбе с бедностью очень плаксива и голосиста. Но безотраднее всего то, что в нашем опошлившемся так называемом свете чужое горе безответно и редки люди, готовые явиться на помощь бедности. Зато всем нуждающимся и обремененным не запрещен доступ к подножию Креста. Холодные, голодные, бесприютные, станьте пред Распятием Спасителя! Он во всю Свою жизнь не имел, где главу приклонить, и наконец ее приклонил на позорном Кресте. С Него буйная толпа сняла на Голгофе последнюю одежду. Ему, жаждущему, пожалели дать воды, а с озлобленной насмешкой над умирающим подали горькую желчь и кислый оцет. Он страдал и умирал всеми покинутый, совсем беспомощный. Для чего же были эти страсти? Да для того, чтобы Его страданиями утешались все несчастные, все нищие духом и телом, которым посредством Креста возвращается вечное, истинное сокровище!

В наш самолюбивый век есть еще одно досадное горе — это обидчивость. Люди в суете гонятся за почестями и славой, всем хочется стать повиднее, повыше. Ловкие, смелые люди без особого смущения взбираются на высь и оттуда с презрением смотрят на низ. И чтобы не было восхода на гору другим, люди с высоты готовы иногда у людей, стоящих под горой, отнять даже честное имя их. Но и под горой, и в пропастях земных есть животворящее чудное древо Креста, которое возвращает всем гонимым за правду вечную славу. Утешьтесь, наш Спаситель не имел ни вида, ни доброты; вид Его бесчестен, умален... паче всех сынов человеческих. Он вразумлял грешников — Его называли пьяницей; Он исцелял больных и учил людей правде — Его называли лукавым: «беса имать», кивая на Него головой, говорили самолюбцы, стоявшие высоко...

Еще горе в этом мире — измена или переменчивость друзей. Когда мы богаты, славны, у нас нет недостатка в приятелях, готовых разделить наше счастье. Но вот посетило нас бедствие... и друзья с каждым днем редуют. Какой вдове, каким сиротам, каким обедневшим людям не известен этот убийственный покровительственный тон прежних друзей, сухая беседа и горделивый поклон старых знакомых?.. Между тем в это-то время мы и нуждаемся в друзьях, в их беседах, в их утешении... Эта переменчивость — тяжелое горе... Однако и у всеми позабытых, у всех сирот и вдов, у всех беспомощных и одиноких есть друг неизменный — это Господь наш Иисус Христос. Взгляните, покинутые друзьями, на Господень Крест: вы увидите Спасителя, положившего *«душу Свою... за други Своя»*.

Пятое и сильное горе слышится в этом мире. Вот горе женщины — у ней умер милый муж; вот горе детей — у них смерть отняла отца; у одной отняла брата, опору и защиту, у другой — сестру-друга. Жалоба на смерть со всех сторон... Отняла смерть и схоронила милых людей в могилу, отняла и превратила в прах... Не надо нам богатства, не надо нам почестей, говорят горюющие, воротите нам наших друзей... Просьба неисполнимая... Но все испытавшие утраты незаменимые, станьте ближе к Кресту. На этом дереве Христос пострадал, чтобы воскресить людей и навеки соединить с теми, которых смерть разлучила с нами на короткое время.

Вот уже пять разрядов человеческой скорби нашли мы, но их не пять, а миллионы...

Зло в воздухе, зло повсюду... Зло неисчетно. Остановлюсь еще на одной чистой скорби. Это страдания души при воспоминании своих явных и тайных грехов. Совесть, как тяжелый молот, ударяет по нашим чувствам. Ужас берет грешника: что я сделал? Что мне за это будет? Успокойся, кающийся грешник, у подножия Животворящего Креста. На Кресте изображено совершенное прощение всех грехов кающемуся, изображено на этом же Кресте и дарование оправдания всем христианам, уповающим на Господа. Приступим же, братие, к Животворящему Кресту и облобызаем его с верой и любовью... В нем наша отрада... Крестом мы крестились в купели, крест у православного христианина на груди, крест у нас и на могиле... В нем наша отрада и упование. Аминь.

Великий пост нынешнего года уже почти преполовился. Церковь, совершенствуя говеющих и благоговейно постившихся и постящихся в подвиге благоугождения Богу, износит из алтаря на престольный крест для поклонения ему христиан, готовых жить и действовать по заповедям и учению Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа. От Креста Животворящего ныне исходит проповедь и поучение. Со Креста Сам Христос зовет наши души... и как зовет?!

«Идите ко Мне. Кто хочет за Мной следовать, пусть отвергнет себя и возьмет свой крест и идет за Мной». Заметьте, Господь не принуждает, а призывает к последованию за Собой. Как же мы откликнемся на этот призыв? Так или иначе, но должны отозваться, потому что каждый христианин имеет свой крест, на котором должен распинать свои греховные страсти. Крестоношение есть не только обязанность, но и неотложная необходимость. Под крестом каждого человека Спаситель разумел все скорби, болезни и все трудности жизненные, предстоящие человеку в борьбе с общей нам склонностью ко злу.

Жизнь человеческая — путь к вечности, путь к достижению великих совершенств. На этом пути человек — невольный странник. На этом пути чаще всего противоборствуют человеку беды и скорби. Спасти от них, отдалить от себя опасность, найти удовлетворение и успокоение сердца — в этом заключается почти вся деятельность человеческой жизни. Но часто человек находит гибель там, где он ищет безопасности, чаще разбивается его сердце от тех самых людей и от тех действий, на которые он устремлял всю свою волю. Всякое горе, страдание, всякие слезы, вынужденные неудачей, есть не иное что, как житейское крестоношение. Но крестоносцы различаются в жизни.

Мы видим честолюбца, неусыпно стремящегося к достижению почестей и славы. Мы

видим его труды и заботы, видим и страдания, испытываемые им от неудач, где его гордость встречается на каждом шагу препятствия. Это есть крест, но не Христов, а произвольный. Такой человек не страсть распинает на кресте, но распинается страстью. Когда встречаем человека, снедаемого завистливой скорбью о благе ближнего, мы видим, что он страдает, что страдания его мучительны, и эти страдания — крест, но крест не Христов, а произвольный, заслуживающий не уважения, но укоризны и отвращения. Когда попадаются на жизненном пути люди, постоянно занятые нечистыми вожделениями, направившие всю свою душевную деятельность на искание прибытков, чисто телесных, чувственных наслаждений,— опять пред нами крестоносцы, но крестоносцы презренные; они мученики не правды ради, а ради греха; они носят в себе ту виселицу, которой так часто кончается существование злого человека. Не Бог благословил этим крестом человека порочного, но он сам соорудил его себе, соорудил своим забвением о Боге, нарушением человеческого достоинства, гордостью, лукавством и животностью своей падшей природы.

Истинные Христовы крестоносцы — иные люди; их крест — благодушное перенесение незаслуженных страданий. Когда пред нами находится больной человек, призывающий имя Божие без ропота; когда пред нами вдовы и сироты, утратившие близких сердцу и покорные воле Божией,— это Христовы крестоносцы. Когда вы видите пред собой людей обворованных, обманутых явными и тайными врагами; когда мы видим людей, у которых озлобление и клевета попирают их честь и невинность,— эти мученики горя суть Христовы крестоносцы. И сами мы Христовы крестоносцы в то время и в том случае, когда наше сердце любит добро. Любить добро нелегко; любовь свою необходимо отстаивать, необходимо ее беречь. А это есть крест: здесь необходимо строжайшее внимание к себе, необходимо умирять себя, лишать, обуздывать, даже наказывать себя, чтобы сохранилась любовь к добру, чтобы любовь была чище, нежели живой весенний луч благотворного солнца. По этому пути шел наш Господь Иисус Христос на земле и заповедовал Свои уроки о крестоношении ради любви к добру. Следуя этим урокам, человеческая жизнь есть непрерывное самоисправление; человек стоит на страже сердца... Такой человек несет истинный крест; это крест «самоотвержения».

Кресты возлагаются Самим Богом. Но кто ищет подвигов, тому открыто попрание и для произвольного крестоношения.

Есть люди, которые могли бы беспечно проводить свою жизнь. Пользуясь правом своей свободы, они могли бы осуществлять для себя все удовольствия, какие им представляет жизнь во всех своих случайностях. Но эти люди менее всего пользуются тем, чем бы они могли. Они для себя бережливы во всем до скупости, до самоотречения, но готовы отдать все для другого, чтобы составить его счастье, чтобы доставить ему утешение, чтобы облегчить другим скорбный путь. Приношение такой жертвы есть истинный крест.

Есть добрые люди, отдавшие лучшие свои годы попечению и заботам о других людях не только без ропота, но с счастливой покорностью,— это чистые крестоносцы. Дочери и сыновья, восполняющие своей попечительной любовью утраты матери и отца,— это истинные крестоносцы.

Есть люди, умеющие удержаться кротко и смиренно чистыми и честными среди разных искушений. Эти искушения бывают иногда остры, как уязвляющая стрела. Они западают в душу, влекут ее за собой, но взявший крест Христов удержится... падет и восстанет.

Без благодати Божией крестоношение невозможно. В тяжелых искушениях человек не может опереться на себя самого. Он слабее трости, колеблемой ветром. В этом состоянии одно средство для нас — соединить свой крест с Крестом Христовым. Только один Христос, претерпевый за нас Крест, верно оценит наше терпение, нашу борьбу с греховной природой, наше самоотвержение. Сила креста велика и животворяща. Один взгляд на крест может утешить

несчастливого, остановить злодея, вразумить забывшегося, умирить ожесточенного, обличить лицемерного, наставить неразумного — всем и каждому подать совет и жизнь.

Не забывайте же, что вам всегда сопутствует, всегда возлежит на персях Богом данный вам страж, ваш хранитель и освяtitель, друг верный и неизменный, помощник составить ему утешение, чтобы облегчить другим скорбный путь. Приношение такой жертвы есть истинный крест.

Есть добрые люди, отдавшие лучшие свои годы попечению и заботам о других людях не только без ропота, но с счастливой покорностью,— это чистые крестоносцы. Дочери и сыновья, восполняющие своей попечительной любовью утраты матери и отца,— это истинные крестоносцы.

Есть люди, умеющие удержаться кротко и смиренно чистыми и честными среди разных искушений. Эти искушения бывают иногда остры, как уязвляющая стрела. Они западают в душу, влекут ее за собой, но взявший крест Христов удержится... падет и восстанет.

Без благодати Божией крестоношение невозможно. В тяжелых искушениях человек не может опереться на себя самого. Он слабее трости, колеблемой ветром. В этом состоянии одно средство для нас — соединить свой крест с Крестом Христовым. Только один Христос, претерпевший за нас Крест, верно оценит наше терпение, нашу борьбу с греховной природой, наше самоотвержение. Сила креста велика и животворяща. Один взгляд на крест может утешить несчастного, остановить злодея, вразумить забывшегося, умирить ожесточенного, обличить лицемерного, наставить неразумного — всем и каждому подать совет и жизнь.

Не забывайте же, что вам всегда сопутствует, всегда возлежит на персях Богом данный вам страж, ваш хранитель и освяtitель, друг верный и неизменный, помощник скорый и сильный во всякое время вашей земной, полной скорби и опасностей жизни. Аминь.

В Неделю четвертую

По милости Божией, провели мы уже целых четыре недели поста. Стоим уже за чертой его преполовения. Еще и еще немного усилий, три недели, двадцать одни сутки,— и ваша цель достигнута, утешает, воодушевляет и ободряет мать наша Церковь, сопровождающая нас во все святые сорок семь дней. Но утомленные пловцы соскучились в своем путешествии. Они стремятся скорее выйти на берег; им дни кажутся неделями. Нетерпение вызывает ропот. Ропот рождает зависть. К кому? К непостящимся. Те, как и были, остаются при своих привычках; у них дни идут поочередно. Солнце встает и заходит, находя их телесно насыщенными, в чувствах невозбужденными. А постящиеся раздражены: оглядываются на пройденное поприще поста, сомневаются, возражают. Неоднократно даже мы слышали из нескольких уст то жалобы, то рассуждения, то любопытные вопросы в таком роде: зачем вообще посты? Зачем пред светлым днем великой радости Воскресения Христова установлен такой длинный, суровый и строжайший пост? В праздник Воскресения Христова Церковь не только благословляет и разрешает, но повелевает радоваться; великопостное же долгое сетование и говение может нас даже отучить от жизнерадостности, а воздержание истощит наши телесные силы, омрачит наше чело, и, может быть, великопостная печаль обратится в привычку... Вот какое оружие выставляют люди, раздраженные воздержанием, пощением и говением во дни святой Четыредесятницы.

Отвечаем на возражения о значении Великого поста к общему успокоению, назиданию и ободрению в вере. Пост пред Пасхой самый древний в нашей Церкви. Его учредили апостолы, наши первые наставники и учителя. Раз, при жизни Спасителя, они слышали от Него беседу с фарисеями, которые укоряли Его тем, что ученики Его не постятся. Спаситель в этой беседе доказал, что для учеников Его не настало время поста: когда отнимется от них Жених, тогда они будут и должны поститься. И вот ужасное это время настало. Пред самой Пасхой у них отнят был Жених, утешение и отрада их душ. Ученики вспомнили о заповеди Спасителя, а затем по пламенно любящему чувству своего сердца наложили на себя пост и заповедали всем христианам всех веков и народов это время поститься.

Этот пост не был только одним воздержанием в яствах и питиях. Он был соединен с покаянием. Апостолы не желали позабыть о том, как во время страданий Господа все они оставили Его, а старейший из них даже троекратно отрекся от Него... Живое воспоминание страданий и крестной смерти Сына Божия вызывало у них грусть, страх и ужас... Если страсти Христовы у апостолов вызывали чувства скорби и сокрушения, то тем более должны быть эти чувства у нас, грешных. Раскроем свою совесть, вспомним свою жизнь... О, как мы оскорбили Господа, как мы Его прогневали. У апостолов отняли Спасителя, а мы сами Его отринули своей неподобной жизнью нехристианской, своими грубыми пороками, своими бесстыдными сомнениями, своей неверностью. Вспомним, что мы все заповеди Божии нарушили, и как нарушили? Нарушили гордо, беззаботно, самоуверенно. Если в ком не оскудели, не иссякли чувства благодарности и понимания, тому ясно, что нам нужен пост более, нежели был он нужен апостолам и другим угодникам Божиим. Апостолы были только раз или несколько раз прегрешившие, мы же грешим изо дня в день, в течение многих и долгих лет.

Для чего же Церковь установила сорокадневный пост, продолжающийся от понедельника первой седмицы до субботы Лазаревой? Сорокадневный пост напоминает нам о посте Спасителя в пустыне. Занимает он время перед Пасхой потому, что пост Спасителя был вскоре после крещения Господня. Это во-первых, а во-вторых, потому, что Церковь длинным постом старается подготовить христиан к торжеству праздника Светлого Воскресения. Как Господь

наш Иисус Христос вошел в Свою славу долгим путем смирения, нужды и подвигов, так и христиане, как Его ученики, должны пройти подобный путь. Как Господь наш начал Свое служение постом в пустыне и кончил его крестными страданиями, так и мы должны пройти за Иисусом Христом весь Его путь, по Его заповеди: «Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет». Как Господь сорокадневным постом победил врага-искусителя, так и мы, подражая Ему, можем научиться побеждать свои дурные наклонности, свои вредные страсти. Есть предание, что наши прародители пробыли в раю до своего падения сорок дней, в это время враг-искуситель соблазнил их на непослушание, лишил их заповеданного воздержания... Они пали, но мы, по благодати Божией, не только можем, но и обязаны победить диавола. Наша победа не может быть иначе, как под единственным условием: если мы сораспнемся Христу, если мы духовно умрем со Христом, то с Ним и воскреснем. «С Ним,— говорит апостол Павел,— страждем, да и с Ним прославимся» ([Рим. 8:17](#)); «аще бо с Ним умрохом, то с Ним и оживем: аще терпим, с Ним и воцаримся» ([2 Тим. 2:11, 12](#)). Итак, вот причины, почему Церковь установила сорокадневный пост.

Уяснив два вопроса, отвечаем коротко и на третий. Длинный пост и долгое воздержание не отучат нас радоваться Воскресению Христову, но научат благоразумно пользоваться дарами Божиими. Пост научит нас не ко злу, а к добру направлять наши чувства, во всем наблюдать меру, не забывать о том, чего нам стоило покаяние и великопостное говение. Мы знаем по своему горькому опыту: если хорошо проведен Великий пост, то светлое и святое будет празднование наше Святой Пасхи. Раз человек нашел Царство Небесное, он его не променяет ни на что земное. Пост же есть не иное что, как искание Царства Божия. «Ищите,— говорил Иисус Христос,— Царствия Божия». «Несть бо Царство Божие брашно и питие, но правда и мир и радость о Дусе Святе» ([Рим. 14:17](#)).

Итак, не ропщите и не унывайте, постящиеся. Слава Богу, мы переплыли уже более половины пути; день-другой, и пред нами будет виден берег — в эту неделю услышим, как Церковь за нас будет молиться: «Господи, не погуби их до конца, но помилуй и спаси их». Будем слышать, как она будет молить и Невесту Невестную, Воеводу победительную, Пречистую Богородицу руководить нас во спасение, а там — воспоминание славного входа Христова с вербами, а там — дни страстей, а там — славное, Святое Воскресение. Господи, не предаждь нас до конца... Введи нас молитвенным постом и подвигом в славные дни Христовой Пасхи... Пасхи вечной... Аминь. «Терпением да течем на подлежащий нам подвиг» ([Евр. 12:1](#)).

С Божьей помощью мы перешли на другую половину великопостного пути. Чем ближе к цели, тем становится труднее нравственный подвиг.

Ревнителю благочестия каждый шаг к совершенству достается трудом и усилием, скорбями и немощами.

Православная Церковь облегчает нам подвиг восхождения к Богу указанием средств, более или менее способствующих нравственной жизни. Эти средства изложены преподобным Иоанном Лествичником в его книге, называемой «Лествицей, возводящей к небу». Церковь не нашла ничего благопотребнее дать в руководство добродетельного восхождения, как лестницу этого мужа, которому ради сего и память положено совершать в настоящий день.

Лествица состоит из тридцати ступеней. Первые три ступени называются «отвержение мирского жития». Пока человек не поставит для себя религиозную и нравственную цель, до тех пор он связан мирской суетой. Она для него как невольные оковы, препятствующие свободно идти к Богу, куда хочет и куда порывисто устремляется наше сердце. Житейская дума поглощает у человека не только часы, но часто целые годы жизни. Целые десятилетия жизни проходят под гнетом внешних интересов и в конце концов подавляют образ Божий, дарованный душе человека.

Но раз человек ступил на вышеописанные ступени — отвергся мирского жития, ему уже легче сделать шаг на четвертую, которую преподобный [Иоанн Лествичник](#) называет «*послушанием*». Послушание славная, но весьма нелегкая добродетель; она же и необходимая, как исключительное средство «*самоисправления*». В каждом из нас вложен гордый дух и своенравный характер — это страшная закваска зла для всей жизни человека. Ее нельзя уничтожить ничем иным, как послушанием. Отчего в нас самообольщение, отчего мы рассеяны и ленивы? Оттого, что не поднялись и не позаботились стать на ступени «*послушания*» в лестнице духовного усовершенствования.

Без послушания человек что дикий конь без узды: он и красив и силен, но страшен и бесполезен. Послушание есть та черта, которая сообщает прелесть человеческому характеру. Что может быть приятнее юноши, когда он идет туда, куда ведет его опытная рука отца? Что может быть отраднее, когда видим дочь, слушающую со всем вниманием дружеский совет своей матери, знающей свет и тени этого мира? Как счастлива та семья, где живут люди, усвоившие себе послушание: старшие навывки повинуются закону Божию, закону своего государства, а младшие идут по стопам старших! В такой семье нет возмущающих сцен, тех сцен, где каприз младших служит законом для старших, а старшие волей-неволей уступают, скрепя сердце подчиняются... Оттого и самое высокое счастье человеческой жизни, семейное счастье, становится с течением времени все более и более недостижимым, так как семья составляется из непослушных. Оттого и великое дело человеческого брака не возбуждает в наше время тех высоких упований, какие в нем указывает слово Божие и какие ищет в нем человеческое сердце. Христианская семья есть вместилище любви. [Любовь](#) же требует непрерывных и самых нежных, самых кротких, бесстрастных, восторженных отношений; но они недостижимы, как небо, для тех, кто не поднялся на ступень послушания в лестнице духовного восхождения...

Пятая ступень нравственного восхождения — «*покаяние*». Покаяние есть чувство и сознание человека, предстоящего суду Божию. Нравственный закон для человека должен являться драгоценным даром, сокровищем, святыней, до которой касаются благоговейно. Каждое непочтительное прикосновение к этой святыне производит в человеке скорбь, вопль совести. В детстве наглядно проявляется это чувство: дитя сделало дурно, ему об этом заметят, и оно плачет; чуткое чувство не успокаивается, пока не утешат. Дитя разбило мертвую игрушку и плачет о ней искренними, живыми слезами. В ребенке вызывается чувство сознания своей небрежности, своей неосторожности.. но проходят годы, вырастает из этого ребенка человек — он уже не плачет, если разобьет сердце другого человека, не плачет, если оскорбит закон Божий, нарушит отеческий и материнский совет... Отчего это? Оттого, что жизнь низвела его со ступени покаяния, с той ступени, на которой всего виднее наше личное бессилие и всемогущая сила благодати Божией.

Кажется, мы указали лишь пять ступеней духовного восхождения, а их тридцать... Да поможет нам Господь наш Иисус Христос проходить эти ступени... Будем послушны: «терпением да течем на предлежащий нам подвиг». Аминь.

На пятой седмице поста

Внешнюю неделю Церковь воспоминается чудное житие преподобной Марии Египетской. В ее память Церковь постановила на сегодняшнем богослужении читать Великий канон.

Как в жизни преподобной, так и в каноне Великом находится много уроков, весьма назидательных для всех нас, много наставлений полезных и благотворных на всех ступенях нравственной жизни.

Из жития преподобной Марии должны мы научиться тому, что строгое послушание родителям, начальникам, наставникам и руководителям составляет для человека самые верные средства для сохранения чистоты и невинности сердца и для исполнения заповедей Божиих. Напротив, своеволие и непослушание — вот первый шаг, неизбежно влекущий к греху. Преподобная Мария Египетская, по ее признанию, свою греховную жизнь начала с того, что в самой нежной юности, в пятнадцатилетнем возрасте, вышла из послушания родителям. Ей стал тесен и скучен родительский дом, скучны и тяжелы наставления отца, матери и старших... Грех не замедлил сделать остальное: она потеряла то, что для женщины и мужчины ценнее всего — стыдливость. Сделалась грубой и порочной.

Потеряв в первой поре юности благодать Божию, Мария растратила свои природные силы. Ей казалось, что пока она молода, пока кровь бьет в жилах ключом родника, то все возможно позволить себе, все можно изведать. Так и теперь иные думают. Ошибка ужасная, влекущая за собой страшные последствия. Ни в каком ином возрасте жизни, как в молодости, не бывает столь ценно то, что мы называем нравственностью и невинностью. Кто говорит, что в молодых летах все дурное позволено, возможно, — тот говорит безумно. Это все равно, как если о каком-нибудь прекрасном и драгоценном сосуде сказать, что его надобно сперва разбить, чтобы он стал еще драгоценнее; или об одежде чистой и новой, что ее нужно прежде запятнать, и тогда она, вымытая, сделается лучше. В молодых летах надо особенно беречь себя и свою невинность. Если сорвут с растения цвет или же помнут его, то это растение, очевидно, плодов желанных и естественных не принесет никогда, на нем не будет ни цветов, ни плода.

Однако жизнь преподобной Марии нам показывает, что павшие в юности не должны все-таки отчаиваться во спасении. Мария семнадцать лет провела в непрестанном грехе и в таком нераскаянном настроении духа, о котором ужасалась сама вспоминать. Ей в эти безумно прожитые годы и на мысль не приходило обращение и покаяние. Но взыскала ее благодать Божия, и она спаслась. Ее спасла решимость быть иной, чем она была. Постом, молитвой, покаянием, борьбой с собой и с искушениями мира, чтением Священного Писания, беседой с духовным отцом своим, преподобным Зосимой, Мария победила грех и достигла того, что была принята в объятия Отца Небесного, радующегося о каждом грешнике кающемся паче, нежели о многих праведниках, не требующих покаяния.

В обращении преподобной Марии и ее спасении видим мы еще одну приятную назидательную черту. Помогает обращению грешника предстательство святых о нас и в особенности Пречистой Девы Богоматери. Вот, по выражению церковной песни, «небесная звезда в ночи», озаряющая непрестанно своим светом мрак нашей жизни и указывающая нам путь ко спасению. Богоматерь, чрез святую Свою икону, озарила темную душу Марии мыслями и желаниями покаяния. Пред этой же иконой сознавая свои ошибки Мария излила в горячей молитве и чистых слезах решимость покинуть греховные пути; ей она дала свое сердце как спорушнице на новую, многотрудную, покаянную жизнь. И в своих дивных подвигах, в долгом борении со страстями Мария постоянно получала от Божией Матери утешение, облегчение и

озарение. Этот опыт в жизни Марии Египетской указывает, что и нам в нашей жизни Богоматерь есть заступница надежная и неизменная. Мария Ей молилась не многими словами, она часто говорила: «*Пресвятая Богородица, спаси меня!*» Этой краткой молитвой будем и мы обращаться ко Владычице небес. Веруйте, что Она помилует и спасет. Она Сама знает, какими путями спасти тех, кто искренно и истинно кается, подобно Марии Египетской.

Желательно, чтобы урок от воспоминаемого ныне жития преподобной Марии запал глубже в наши грехом омраченные души. Аминь.

ПЯТНИЦА

Приближалось время страстей Христовых. Печально была настроена дружная семья Спасителя, то есть Его избранные ученики, потому что был печален их Божественный Учитель. В Его взоре отражались скорбь и ужас. Внутренняя грусть была так велика, что даже Сам Он не удержался и признался им. Он говорил: «Прискорбна есть душа Моя до смерти». Почему же так скорбно горевал Спаситель? Кто был причиной Его мучительного сокрушения?

Причина ясна. Спасителю во всей наготе были видны и ясны все наши многообразные и тяжкие прегрешения. Его светлый человеколюбивый взор омрачался этим безобразным зрелищем. Восставали перед Ним люди, позабывшие про свое высокое назначение и подпавшие влиянию низких страстей. Там, где ближе и более всего можно было ожидать святости, там оказывался упорный разврат. Там, где нужно было увидеть радостных и признательных детей, стояли люди дикой души, неблагодарные, лицемерные, хищные и завистливые. Там, где все должно было напоминать людям о благоговении, о святых обязанностях, где душа должна бы чувствовать утешение, мир, радость и восторг, Спаситель увидел полное оскудение страха Божия, жестокость, бессердечие и дерзость, отчаянное бесстрашие и равнодушие. Взору Спасителя вся растленность человеческих немощей была очевидна.

Всеобъемлющим Своим взором Он видел постыдные деяния человеческие, видел бесконечные ссоры и несогласия семейные и общественные. Видел людскую озлобленность и завистливую неблагожелательность. Все, чем пренебрегает наша совесть, все дурное и греховное, что позабывает легкомысленно наша память, было открыто Спасителю. Он, милосердый и правосудный, узнал, что люди — Божии создания совсем потонули в грехах, что их ждет адская бездна.

Ад побеждал и наполнялся несчастными грешниками, а рай мало восполнялся новыми обитателями...

И видя все это, Спаситель скорбел и тужил. Любя людей, Он скорбел и сокрушался за них той великодушной тяжелой скорбью, как будто во всем, что наделали люди, Сам был виновен. По Своей благости, Он с целью спасения мира взял на Себя грех всего мира, грехи отцов и детей, дедов и внуков и выстрадал их муками душевными и муками телесными, крестными...

Евангелие говорит: Он безмолвно молился; душа Его была объята неисцельной кручиной; тело гнулось и страдало от чрезмерного горя. Из членов тела Его выступил кровавый пот...

Таково всегда истинное горе. Бывает ужасно человеческое страдание, но Божественное, человеколюбивое страдание — оно ни с чем не сравнимо. Случается видеть, как падает иногда под изнурительной тяжестью напастей бедный человек. Бывает человеческое горе также кроваво, похоже на то, как под тяжестью гнета источается из виноградного грозда сок, но для страданий безгрешного Богочеловека нет подобия, нет образов, нет сравнений!

Ужасное состояние скорби Спасителя должно вызывать в каждом из нас умиление и сочувствие к этим страданиям. Не за свои, а за наши грехи Он страдал. Каждый из нас должен помнить, что в чаше мучений Спасителя немало было горьких и ядовитых капель, которые влили мы своей постыдной жизнью и недостойным для христианина образом мыслей. По крайней мере мы должны принять участие в страданиях Спасителя. Каким образом? Просто так, как повелевает Церковь. Например, почтим день страданий Христовых, пятницу, сугубым постом...

Он, Господь наш, молился и любил молиться, и мы будем молиться... и как молиться? *Бодрственно*, чтобы живо ощущать в себе самих значение и силу молитвенного подвига.

Спаситель плакал за наши грехи кровавыми слезами... Пусть же наши глаза плачут. Если

уже мы плакать не можем, если источник слез иссяк в нас до того, что даже не умеем плакать, то повергнемся перед Животворящим Крестом Христовым и будем умолять Его, чтобы Он дал нашему сердцу чувство раскаяния, чувство сознания своих грехов, чтобы мы могли тужить и скорбеть с Ним вместе о наших собственных грехах. Аминь.

В Неделю пятую

День ото дня приближаясь к неделе страданий Христовых, душа христианина, склонная к благочестивым размышлениям, невольно задается некоторыми вопросами. Усвоение правильных, в духе Православной Церкви, решений по этим вопросам упорядочивает наши чувствования и выясняет пред нами великое значение искупления мира от грехов через крестное страдание и смерть Иисуса Христа.

Так, Евангелие повествует, что Спаситель, ведомый на распятие, неся Свой Крест, изнемогал на пути до такой степени, что имел нужду в помощнике. Что это значит? — спрашивают многие. Почему Божественная сила не укрепила Его человеческие силы, а, напротив, показала Его немощность и слабость? Ответ на эти вопросы дает святой апостол Петр в первом своем послании. Спаситель на Своем страдальческом пути к Голгофе изнемогал не вследствие того, что был слишком тяжел Его Крест по весу,— тело и душу Спасителя угнетала не материальная, видимая ноша, но невидимая тяжесть наших грехов: «грехи наши Сам вознесе на теле Своем на древо» ([1 Пет.](#) 2:24). Вообразим крестный путь к Голгофе. Вели на казнь Иисуса Христа. Он весь был отягощен грехами не одного какого-либо человека, но грехами всего мира, прошедшего, настоящего и будущего. Оброки преступлений наших предков, дедов, отцов, детей и будущих из рода в род поколений легли на Нем. Бремя невыносимое! К Голгофе в те часы по иерусалимским улицам шествовал Искупитель мира... Понести Крест с видом бодрости, с желанием вызвать у зрителей похвалу, а у врагов — удивление своему героизму было бы несоответственно самому подвигу искупления: ведь в Его лице шли все грешники и преступники мира. Последствия же греха — муки временные, угрызения совести; муки вечные, смерть души. Крестный путь Спасителя и был изображением этих мучений. В ужасные часы крестного шествия в Своем унижении, утомлении и падении под Крестом Спаситель изобразил судьбу грешников, если бы правосудный Господь вознамерился определить каждому из нас самому искупать свои грехи. Через огромность Своих страданий при крестоношении Спаситель показал, что Он нес наши, то есть и мой, и ваш, кресты, которые Он принял во имя наше, во имя всего человечества. Скорбь Спасителя в предсмертные часы стала символом страданий всех бессильных, беспомощных людей. В то же время воспоминание о слабости Спасителя при несении Креста укрепляло мучеников христианских во время пыток и казней. Так что, по выражению одного отца Церкви, «в Его слабости почерпнули свое одушевление сильные духом». Итак, будем же знать, что Сам Сын Божий не постыдился нести Крест, который мы заслужили. «Да будет всем нам стыдно,— говорит святой [Кирилл Иерусалимский](#),— если мы отказываемся принести самые легкие жертвы, неразлучные с жизнью благочестивого христианина». Апостол Павел прямо говорит: «Говорю со слезами, многие поступают неприлично в своей жизни; но пусть же они знают, что «их конец — погибель; их бог — чрево, и слава... в сраме; они мыслят о земном» ([Флп.](#) 3:18, 19).

Кто же донес Крест Спасителя на место распятия?

Евангелие повествует так. Мимо того места, где изнемогал под крестною ношею Спаситель, проходил один рабочий человек, по имени Симон. Он вовсе и не думал о высокой чести, предназначенной ему,— донести Крест Христов. Вначале он даже не понял этой чести: ему казалось низким и недостойным нести среди белого дня, при многочисленном стечении народа орудие казни и в глазах народа быть как бы помощником палача. Симон старался уклониться от этого, так что насильем заставили его принять на себя эту обязанность. Он покорился с ропотом и с досадой, в полной уверенности, что несправедливое принуждение его унизило и обесчестило. По воскресении Иисуса Христа, обратившись со всем своим семейством

в [христианство](#), он познал Спасителя и понял, какой высокой чести сподобил его Бог, избрав его понести Крест Искупителя мира. Исполненный живейшей признательности, он возблагодарил Бога за то самое, что прежде казалось ему незаслуженным наказанием, несправедливым унижением, а на самом деле было делом особенной любви Божией.

Вот ясный урок, обучающий нас, как несправедлив наш ропот и наше нетерпение, с какими переносим наши бедствия, которые не что иное, как кресты, возложенные на нас Богом. Они нам кажутся часто действием слепого случая, а на самом деле они определены Господом. Они нам представляются действием несправедливости и жестокости людей, которые напрасно нас преследуют, а на самом деле доказывают нам любовь и милосердие Божие. Люди, унижающие, преследующие нас, заставляющие нас страдать, делают то же, что некогда иудеи,— силой возлагают на нас крест Христов и таким образом приобщают нас чести Симона Киринейского. Сам Бог посредством этих людей очищает наши души, умерщвляет наши страсти, возвышает заслуги, совершенствует в нас добродетели. Теперь мы не понимаем этой тайны зла; оттого-то с трудом мы переносим эти испытания. Но когда этими трудными средствами, этим жестоким путем мы достигнем спасения, тогда при виде своих крестов, назначенных для отвлечения нас от соблазнов, мы познаем перст Божий во всех бедствиях, перенесенных нами, и возблагодарим милосердие Божие.

Преклонимся же с покорностью под тяжестью постигающих нас испытаний с убеждением, что они возложены на нас Богом. Примем их с готовностью, подобно больному, принимающему горькие лекарства, дарующие ему, однако, восстановление здоровья. Перенесем со смирением все бедствия, какие угодно Богу послать нам для нашего спасения. Аминь.

На шестой седмице поста

Православная Христова Церковь всю на ступившую неделю подготавливает христиан к Христовым страстям. Эта неделя церковная посвящена изложению событий из жизни Спасителя, предшествовавших Его страданиям. Пред концом Своей спасительной жизни Иисус Христос часто и пророчески напоминал Своим ученикам об ужасах разлуки Его с ними, о том, что Его изменнически выдадут злым врагам, которые надругаются над Ним и убьют Его. Но людская ненависть посрамится своей неправдой: Он воскреснет. Как ни внятна была речь Спасителя о крестной смерти, но ученики не понимали предсказаний Господа. Не понимали и боялись спросить объяснений на то, чего не понимали; им не хотелось разувериться в своих ложных мнениях, которые им привились, как чаяния, которые поддерживали в них горделивые надежды о земном величии их Учителя. Непонимание великих истин христианства и его требований может быть отнесено к каждому из нас. Это непонимание обуславливается разнообразнейшими причинами, из которых резко выдаются следующие.

Наши мысли постоянно возвращаются среди одних внешних предметов. Эти мысли внушает и подсказывает нам наша немощная плоть; душе, просвещенной благодатью Божией, они чужды. Душа наша вечно обуревается чувственными желаниями. В нее рвутся страсти с такой же силой, как огненное пламя, встретившее на своем истребительном пути горючие материалы. Мы трудно миримся с окружающей обстановкой и не хотим понять, что создавшееся вокруг нас условия располагают к размышлению о великой силе промысла Божия, знаменательно указывающего нам на призвание нас к небу.

От этого непонимания «небесного учения» наша жизнь на земле обставлена по большей части вечными тревогами, ропотом, жалобами, печальми. Мы не умеем выносить испытаний земной жизни, с ней нераздельных. Не умеем, потому что не внятно нам небесное учение Христа о том, что «жизнь земная всегда полна скорбями». Но у нас, людей, погруженных в чувственные интересы, скорбь принимает по большей части оттенок раздирающего уныния и близка к отчаянию.

От непонимания небесного учения жизнь земная большей части из нас испорчена с ранней юности. Небесное учение Спасителя внушает, что человек в этом мире гость и странник. Время его жизни краткосрочно; чувственные и телесные его силы ограничены. Небесное учение уподобляет земную жизнь однодневной траве, начинающей увядать с той минуты, когда она вошла в силу роста; уподобляет быстроте сновидения, в котором часто пред человеком проходят в одно мгновение целые десятилетия. Но человек не внимает ни учению небесному, ни евангельским сравнениям, ни внушительным примерам. Мы не хотим помириться с тем, что мы здесь, на земле, временные гости. Мы так располагаем свою жизнь, словно земля наше вечное отечество. Мы не хотим понять, что круг наших современников день ото дня редет; что деревья давно уже вырастили материалы, из которых гробовщики сколотят последнее убежище для нашей смертной плоти. Мы не хотим понять, что в этом мире мы *путники*; мы не хотим идти вперед, но с беспечностью остаемся на земле, будто она для нас не имеет предела. Кто внимает небесному учению, тот поймет эту истину.

От непонимания небесного учения зависит вредный взгляд на назначение человека. Редко кому приходит на мысль разъяснить себе этот вопрос. У нас бывает по большей части дума с ранней юности об устройстве внешних дел: сыновей воспитывают для приобретения богатства, дочерей для замужества. Пристроить сына или дочь на нашем языке значит одеть, нарядить, накормить, женить или выдать замуж. Но это потребное, но не главное и даже не первостепенное. Главное же — воспитать в человеке душу, раскрыть ее способности и силы,

направить волю, отдалить от нее дурные наклонности, показать великость человека, показать человеку тайну сохранения себя чистым и невинным, младенчески невинным от колыбели до седины — это есть главное. Заботы же о еде, питье, спокойствии и сне — об удобствах жизни, делаясь первыми заботами нашими, сообщают человеку вид дикости. И не раз мир погибал от этого. Гибнут массы людей в наше время и на наших глазах.

Благо же тем, кто хочет знать небесное учение, кто не боится спросить у Господа, как ему надо жить, как действовать. Для такого человека и *земная жизнь будет радость*. Радуюсь о Господе, писал апостол Павел, когда ношу язвы Твои на челе. Эти язвы для него не были болезненны, он носил их любящим сердцем.

В наше время, когда жизнь выставила так много требований для быта и существования, когда многосемейные люди не стыдятся жаловаться на то, что у них велика семья (Господи, какой грех! Ведь большая семья — явное доказательство Божьего милосердия и долготерпения; у кого велика семья, у того больше друзей), — говорю, в наше время учение небесное кажется многим скучным и даже непонятным. Одни неохотно слушают это учение, а другие смеются над теми, которые говорят, рассуждают, хотят свести с земной дороги и поставить своих ближних ближе к его пониманию, облегчить ношу нашей пошло прожитой или проживаемой жизни.

Как же назвать такое непонимание? Священное Писание называет такое состояние «самозабвением». В Евангелии есть выразительные слова: когда мы вам играли, вы были скучны, когда мы рыдали пред вами, вы не плакали. В самозабвении люди глухи ко всему; их не растрогаешь, не разбудишь. Из сухого дерева трудно выжать жизненный сок.

Что же нам делать, чтобы понять небесное учение, удаляющее от нас легкомыслие и самозабвение?

Последовать словам Спасителя: «Бдите и молитесь, да не внидете в напасть: дух убо бодр, плоть немощна» ([Мф.26:41](#)).

Да, плоть немощна! Нам необходимо усилить свой молитвенный подвиг; только молитва утверждает нас в исполнении заповедей Спасителя. Кто молится, тому является Сам Бог. Он простирает Свою всемогущую руку на падающих. Он восставляет и в самых падениях и грешного мужа, и тяжкую грешницу женщину, спасает, утешает, любит, благословляет, ограждает благодатью Всесвятого Духа. Аминь.

В Вербное воскресенье (Вход Господень в Иерусалим)

В Иерусалиме и его окрестностях совершалось в одну из предпасхальных недель странное явление. Из уст в уста передавались чудные рассказы про Иисуса из Галилеи. Рассказывали, как Он учил и как уроки Его смягчали, преобразовывали человеческую душу, как Он жил и действовал. Массы людей были свидетелями и непосредственными участниками такого преобразования: неисцельно больные выздоравливали, прокаженные очищались, грубые, самолюбивые, жестокие душой изменялись в кротких, смиренных и добрых. Известия об Иисусе были одни из тех, что массы людей чувствовали в Нем Чудотворца, имевшего силу воскрешать телесно и духовно, Спасителя. Миллионная масса горела нетерпением торжественно встретить Иисуса в Иерусалиме и своими задушевными восторгами положить начало благоговению и любви к Господу, признать в Нем ожидаемого Мессию и отдать Ему свои душу и сердце. Такое восторженное настроение миллионов народных веселых масс приводило в восхищение двенадцать учеников Спасителя. Их радость была неудержима. Им казалось несомненным, что настало теперь не для них только, но и для целого мира бесконечное счастье. Взоры учеников обращались на Иисуса. Ученикам хотелось, чтобы их Учитель был так же настроен, как и они. Но взоры Господа были кротки и речи сдержанны. При общем ликовании Спаситель вдруг произнес: «се, восходим во Иерусалим, и Сын человеческий преданъ будет архиереем и книжником: и осудят его на смерть, и предадут его языком на поругание и биение и пропятие» ([Мф. 20:18, 19](#)). Слова Спасителя для находившихся в радостнейшем настроении учеников Его были неожиданны, как гроза среди безоблачного, ясного, теплого дня. Однако они уразумели в них тяжелую правду. В этих словах заключался еще и такой смысл: во-первых, Спаситель желал, чтобы ученики поняли, что вслед за восклицаниями народными наступят дни тяжкого искушения и для Иисуса, и для истинно Его любящих; во-вторых, что вообще восторженное состояние человека есть явление непостоянное, и, в-третьих, Спаситель указывал верный путь к постоянно радостному настроению, даже в дни страха и ужаса. Приведенные слова Спасителя внушали им с осторожностью отдаваться восторгу и с тем вместе давали поучение, как быть и что делать в наступающие дни.

Гул народных масс встретил Иисуса восклицаниями: «Осанна!» Старики и дети, женщины и мужчины с пальмами в руках слили в одно целое свои голоса. Их веселые клики, как живой, громкий колокол, возвещали вступление в царствующий город Царя царствующих. Этот живой колокол не вызвал в Спасителе чувства одобрения. В этом громогласном, суетливом выражении восторга не было проявления глубокого чувства — одна торжественная, нарядная внешность. Слава Божия только выкрикивалась звуками голосистой массы и, не затрагивая ее сердец, тут же исчезала. В торжественной встрече Спасителя был праздник праздного народа, но не заявления искренней веры. В этой торжественной обстановке не было совсем внутреннего побуждения. Народ, как стая очарованных, шумел, ликовал. Как было во встрече Спасителя, так бывает и часто с людьми. Народная слава, общественный почет — это блистательный фейерверк, от которого через несколько минут остается только смрадный пепел. Это весенний прилив половодья, влекущий за собой изобилие вод, где волны стремятся обогнать и потопить одна другую. Подобные явления не прочны. Потому-то Спаситель и остерегает Своих последователей всех времен быть осторожными при принятии за истину мнения общества о чем бы то ни было. Общественное мнение — волна, напиральная и уносящаяся. Нынче она в нашу пользу, а завтра против нас. Человек должен руководствоваться не общественным мнением, а заповедями и

законом Божиим, не проходящими и не изменяющимися.

Не замедлило исполниться на Иисусе Христе все непостоянство общественного мнения. Еще не увяли на дороге разбросанные пальмы, по которым шествовали святые стопы Богочеловека, как уже колокол возбужденного ликования в народе замер. Вместо радостного клика, вместо веселых разговоров является раздражение, гнев, начинаются мечтательные затеи; вместо слов: «Он Чудотворец и Учитель» — те же уста повторяли: «Он развратитель и возмутитель»; вместо слов: «Господь» — те же уста кричали: «Он злодей!»; вместо слов: «Осанна» — слова: «Распи»; вместо престола — голгофская казнь. Так после торжественного дня настают дни тяжких скорбей, страданий и, наконец, крестная смерть Христа Спасителя. Спутников Господа теперь мало: остались верными и дружественными единицы. Все же прочие отступились, отверглись, изменили, и даже отреклись лучшие, излюбленные Спасителем люди. События дали урок ясный: быть верным в дружбе, не покидать человека в беде и напастях. Только в печальные дни познаются достоинства и дружбы, и любви. Евангельским событием освящены эти великие связи человечества. Закрепляются они не шумно, не крикливо, не возбужденно, но тихо и скромно, подобно тому, как воспламеняется искоркой тихий, лучезарный свет чистой свечи, озаряющей ночную тьму.

Не восхитившись торжественной встречей, сделанной Ему в Иерусалиме, Спаситель благосклонно остановил Свое внимание только на детях, на младенцах, вещавших Ему: «Осанна». Этим Он указал, какой восторг соответствует достоинству человека. Восторг есть выражение чистого, безупречного, живого, беззлобного сердца. Всем людям, однако, без различия возраста, влагается в душу этот Божественный дар. Но не только восторг, но даже сердечная радость невозможна для весьма многих людей. Невозможна она для людей ленивых и нерадивых: отдых сладок и приятен только после тяжелого труда, как ощущение удовольствия здоровьем естественно после боли. Невозможна сердечная радость для людей нетерпеливых, раздражительных, недоброжелательных, завистливых и памятозлобных. Светлый лик утешения и любви для них затуманивается вдруг. Такие люди готовы разбить драгоценную вазу по одному только капризу, что из нее берут цветы и другие люди. Не полно чувство радости для всех людей, одержимых разнообразнейшими страстями, настолько, что они властны разрушить даже наши семейные связи и отнять у любящей души сына, мать, друга и подругу.

Но Спаситель ни для кого из нас не закрыл вход в Небесное Царство. Чрез покаяние и желание исправиться в каждой душе может открыться дверь, через которую будет доступ для христианской радости. В каждой душе просит Христос Себе обители. Даже в дни скорби и искушений не затворяет эту дверь Божественное милосердие. Требуется одно — последование страждущему Господу. Ведь Он за нас пострадал, чтобы оставить нам пример, да последуем стопам Его, убеждает апостол Петр ([1 Пет. 2:21](#)). Теперь наступает Страстная неделя. Пусть каждый из нас приблизится к страждущему Спасителю, пусть каждый из нас Ему сопутствует шаг за шагом до конца крестной дороги, и тогда путь нашей жизни исправится. Сердце наше, испытанное страданием и скорбью, умирится. Итак, в наступающую неделю, христиане, устремим свои взоры на Господа; с плачущими женами иерусалимскими будем взирать, как Он, Господь неба и земли, за наши грехи осуждается на смерть, несет Крест и изнемогает под бременем Креста. Понесем Его Крест. Слушая Евангелие на Страстной неделе, постараемся проникнуться безмерным величием страданий и заслуг Сына Божия; мы будем внимать кроткому, любящему голосу, призывающему к радости всех, всех — к радости блаженных упований, ко спасению. Пред страстями Христовыми всем достанет места: и мытарям, и блудницам, и разбойникам...

Если бы это случилось, тогда действительно мы могли бы чистым сердцем праздновать Пресветлое Воскресение Господа и воскресение своих душ, умерщвленных страстями и

грехами! Отправимся, кто хочет, в путь за приобретением *небесных утешений* и радостей; все отправимся по крестной дороге, кому нужно освободиться от подавляющей пошлости. С нами на этом пути, не забудьте, будет Христос, страдающий и сострадающий. Аминь.

На Страстной седмице

УТРЕНЯ ВЕЛИКОГО ПОНЕДЕЛЬНИКА

По милости Божией, сегодня закончилась святая Четыредесятница. Мы прошли далекий путь и находимся у своей цели. Уже виден отеческий дом, где нас ждут радости Светлого дня. Поспешим же докончить начатое. Отцы и матери, воодушевите своих детей кончить добрый подвиг. Сыновья и дочери, помогите своим отцам и матерям войти в радость Господа. Но вот слышится скорбный голос и старых, и малых: *«Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь»* .

Бедные странники! Отчего же так ветха и неприлична ваша одежда? Время или небрежность ваша изветшали ее? Пусть ответит на этот вопрос совесть ваша, и человеческая, и христианская.

Но мать наша Церковь простирает к вам свой привычный призыв. Мы слышим от нее такое песнопение: приидите, братие, приидите все, великие и малые, просвещенные и простые, старцы и юные; приидите, соединимся в духе веры и любви и разделим чувства страдающего Богочеловека. Светлый чертог виден, но в него нельзя войти с умом, наполненным нечистыми мыслями.

К сожалению, у многих смысл и вся душа никогда не бывает так переполнена житейской суетой, как в наступающую неделю. Заботы об окончании различных дел до праздника, о приготовлении различных вещей к празднику развлекают ум во все стороны и рассеивают чувство по предметам суетным. Оттого богослужения на Страстной неделе посещаются не всецело; многое из читаемого в церкви, и притом самого важного, как-то повествования евангелистов о жизни Иисуса Христа, опускается без особенного внимания.

Но не такого рассеянного смысла требует от нас святая и великая седмица. Мы будем слышать повесть о всей жизни нашего Спасителя. Когда же приличнее обозреть ее всю, как не пред ее концом? Но в состоянии ли будет обнять мыслию эту жизнь тот, кто так рассеян, что вовсе не знает собственной жизни? Мы будем свидетелями последних бесед Господа с Его учениками на Тайной вечере; но может ли наше сердце воспламениться огнем любви Иисусовой, если оно будет, подобно Иуде, там, где его соковище? Итак, не ради Господа, но ради самих себя мы должны в настоящие дни собрать как можно более все свои мысли и очистить их, иначе мы отстанем от Спасителя и останемся кто при Иуде, с отчаянием, кто в претории Пилата, с одними умытыми руками, кто во дворце Ирода, в одной нарядной, внешней праздничной одежде, но с Христом не воскреснем, в чертог славы Его не войдем. *«Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь»*.

Куда же девать житейские заботы? — скажет кто-либо из вас. Праздник великий — житейские заботы велики. Знаем это положение и скорбим: Христос на Кресте, а христиане с утра до ночи в лавках. Христос в муках воскликнул: «Жажду», и напояется оцетом, а христиане угощают разнообразными снедами и питиями. В то самое время, когда Христос предал дух Свой, христиане едва переводят свое дыхание от житейской суеты... Как же после этого христианину в конце концов не рыдать словами: *«Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь...»*. Мы не требуем перемены житейского порядка. Но добрый христианин найдет без труда способ удовлетворить всем требованиям праздника, не рассеиваясь мыслью и чувством, не теряя из виду своего Спасителя. И апостолы ходили за покупками, и они готовили вечерю, и жены равноапостольные покупали ароматы; но смотрите, как у них все чинно, свято. Почему так нельзя быть и у нас? Потому что мы дети девятнадцатого века... потому что наша суетность измышляет множество мелких нужд и удовлетворением их мучит себя и других: мелкие люди и мелкие чувства. Ненасытимность нашей плоти увеличивает через

меру потребности светлых дней. Светлые праздники, сами по себе питательные для духа, по тому самому мало требуют пищи для плоти. Мы же настолько чувственны, что не умеем найти любви без яств; без угощения мы отвыкли уже понимать наслаждения и сладость сердца. Христианский праздник не тем велик, не тем светел, что на столах ваших будет множество брашен, не тем он радостен, что в праздник разрешаются все шумные увеселения, простирающиеся иногда до помрачения смысла... Нет, это служение чреву. Не во имя воскресшего Христа наедаются и напиваются до пресыщения, не во имя воскресшего Христа наряжают до соблазна свое тело. Чистое наслаждение сердца — это святой восторг сердца, это правда, и мир, и радость о Духе Святом. Чувства же такие большей части из нас неизвестны. Если бы они хотя раз посетили нас, то мы не позабыли бы их, как не забываются чувства юной, восторженной и чистой любви, чувства глубокой, бескорыстной дружбы.

Но так как мы бедны этими святыми настроениями, то мне остается в сердечной грусти повторить за всех и для всех умиленные слова молитвы: *«Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь»*. Просвети одеяние души моей, Светодавче, да невозбранно вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, чашу спасения прииму и имя Твое, Господи, призову. Аминь.

ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Как все преходящее, прошла и святая Четыредесятница. [Счастье](#) и похвала Церкви тем, кто в течение ее узнал, что он идет вперед по пути жизни. Скорбь тем, кто пережил святую Четыредесятницу, не думая, что земная жизнь есть путь к небу. Благо и радость тем, кто в течение поста искал пользы своей душе. Грустно за тех, кто и в это душеспасительное время не замечал, что у него есть душа. Проведшие честно пост ждут теперь праздника Воскресения Христова. Отнесшиеся же к посту равнодушно не имеют должного понятия о празднике и все продолжают свою работу — работу, по выражению святого Павла, «истления» ([Рим. 8:21](#)).

Теперь мы вступили уже на «крестный» путь Христа. Как идти и что нам делать в дороге, чтобы наш путь не был полон уныния?

Ни в какое другое время, как в эту неделю, для христианина так не обязательно самоуглубление. В это время чтения Евангелия невольно охватывают человека завещанием Иисуса Христа: «не любить мира», но полюбить Царство Христово. В эту неделю труд усиленной молитвы должен очистить и украсить душу и сделать ее способной к принятию высших внушений неба.

На крестном пути нашем облегчается его трудность «*устремлением души к Богу*». Только таким образом мы исторгаем из души плевелы и оставляем в ней простор для благодати. Розга плодоноснейшей лозы уже созрела и готова дать нам сок винограда Христова.

На крестном пути нашем ежеминутно должна переноситься наша мысль к страдающему Христу. Сострадав Господу, душа страдает о себе самой. Есть слезы надрывающие, слезы тоски, уныния, досады; есть же слезы сострадания, любви, утешения и благодарности. На этих слезах растут упования, и ими возвращается наше истинное счастье, счастье непреходящее. Блаженны те очи, которые будут источать такие слезы при слышании о Господе, умалившемся и смирившемся, как раб.

Лучшего времени для христианина на земле быть не может, как грядущие теперь, день за днем, две недели — Страстная и Светлая. Не знаем, так ли хороша эта Святая седмица там, за пределами жизни, как здесь! Эти две недели на земле есть исключение из общего правила суетливой жизни.

В эти недели поистине и воочию Иисус Христос является душе.

Господа ради оберегитесь, чтобы суета не взяла вас от храма и чтобы эта седмица страстей Христовых не была, подобно прочим седмицам, нескончаемой неделей наших собственных погибельных страстей.

Се Жених грядет! Души благочестивые, идите Ему навстречу... Аминь.

ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК

Сегодня с Божьей помощью продолжаю вчера недоговоренное слово о крестном пути, предлежащем ученикам и последователям Христа в дни Страстной недели.

Господь говорил апостолам: «По двою дню [Пасха](#) будет. Се восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет архиереем и книжникам и народам; и поругаются Ему, и укорят Его, и уязвят Его, и оплюют Его, осудят Его на смерть и, бивше, убьют Его». В последнем из этих слов Спасителя выражается глубочайшая скорбь. Эта скорбь, как тяжкие оковы, с каждой минутой делалась все болезненнее и с каждой минутой возбуждала большее страдание. Печаль за печалью поражала сердце Искупителя, грядущего к вольной страсти. Многие из этих печалей предлежат и верующим на жизненном пути. Тем из верующих, которые откликаются душой на мысль о кресте и духом несут этот крест, свитый из горестей и бедствий.

Глубокие скорби Спасителя настали еще прежде предания в руки грешников. Евангелие сообщает, что за несколько дней до праздника Пасхи, когда все готовились к радостному общему торжеству, как ко времени, в которое человек слагает с себя бремя всех забот, общественных и житейских, и отдается тихому покою, Спаситель получил скорбную весть о болезни Своего друга Лазаря. Смерть этого друга вызвала у Него слезы. Он плакал над его могилой. В преддверии крестных страданий — слезы об утраченной дружбе. Кому из нас не приходилось проливать такие слезы? Кто из нас не плакал над могилой дружбы, которой у человека отнимается утешение взаимного удовольствия? Это страшное испытание для всех сил и способностей души. Сиротство ужасно. Нельзя без сострадания видеть слезы вдовы-матери, вдовы-супруги, детей, разлученных с отцом, о друзьях, отнятых у нас роковым приговором немой, не подлежащей ни суду, ни обжалованию смерти. Здесь всякое слово утешения — звук пустой. Здесь только возможны одни слезы. Если Спаситель оросил могилу дружбы слезами, то этим средством облегчил и для нас ее утрату. Пусть же все сиротствующие облегчат свой крестный путь, путь покинутого одиночества, слезами. Слеза возрастит утешение; великую скорбь сиротства и беспомощности омоет чистой струей преданности воле Божией, без которой не падал ни один волос с человеческой головы.

Далее, Евангелие сообщает о Христе Искупителе. Он шел в Иерусалим и, не входя еще в столицу, с горы Елеонской смотрел на этот город. Ученики Его восхищались живописным местоположением города, движением жизни праздничной столицы, его превосходными крепкими зданиями, миллионной массой людей, снующих по городу, прибывающих в Иерусалим на праздник со всех сторон. То, что в учениках возбуждало радость, в Спасителе вызывало чувство горести. Он плакал о будущей судьбе этого города, над которым уже занесен меч казни, разрушения и рассеяния. Спаситель прозревал, что Иерусалим падет под развалинами своего нечестия. В нем не останется даже камня на камне, свидетельствующих о прежнем величии. И это угнетающее чувство печали безутешно, оно встречает истинных крестоносцев всех времен. У нас это чувство переносится не на Иерусалим, не на город, не на царства и государства, но на собственные наши семьи и на семьи близких нам лиц. Как часто прозревается упадок, запустение и рассеяние семейств, забывших заповеди Божии, отрекшихся от завещаний отеческих и материнских. Прозревать безутешную будущность непокорного сына, неблаговоспитанной дочери, неблагодарного друга — ужасающая скорбь. Все мы так или иначе связаны семейным союзом. И если в этой связи замечается ослабление скрепляющих нитей, то невольный ужас объемлет душу при одном представлении о том, как эта нить порвется. Когда порвется нить нравственных отношений между близкими, то порвутся с ней и радости земной жизни; горе, рассеяние и запустение; «мерзость запустения станет на месте святе», по

выражению пророка.

Далее, Евангелие сообщает, что Христос в Иерусалиме прибыл в храм Божий. Здесь Он нашел такие беспорядки, такую продажность, что храм, с одной стороны, представлял шумную торговую площадь, с другой — вертеп разбойников. Чувства Спасителя были поражены такими безобразиями. Бесчиние в доме Божиим возмутило даже Его кроткую душу.

Мы, хотя и ученики Спасителя, эту скорбь смущаемся мало. Мы уже навыкли в дурных обычаях. Мы и сами располагаемся к тому, чтобы эти обычаи еще более умножались. Многие из нас этому способствуют. Но эти многие не крестоносцы.

Отчаянно положение того народа, у которого храмы теряют право называться домом молитвы и благочиния. Там распадается общество и разлагается его духовная жизненность. Притязательный, корыстолюбивый, ленивый священнослужитель, невнимательный, рассеянный и развращенный мирянин сливаются воедино. Не благодать Божия призывается их устами, но их развращенное сердце ускоряет гнев Божий. Да хранит же нас Бог умножать собою кощунствующих и идолослужащих. Войдем со Христом в очищенный Им храм. Будем в нем благоговейны. Аминь.

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

Наступает час слушания нами евангельского рассказа о страстях Христовых. Но прежде нежели огласить слух наш слушанием Божьего слова об этих ужасных страданиях, которые претерпели Пречистая Плоть и Душа Пресвятая, долг наш расположить свою душу к мыслям, вызываемым страданиями Богочеловека.

Во-первых, вспомните, что Евангелие сообщит вам историю страданий не человека, не ангела, но Самого «*Единородного Сына Божия*». Беспрецедентное событие поражает ужасом и недоумением наш ум: здесь чудо чудес и таинство таинств!

Во-вторых, услышите вы о бесчувственно грубых, с убийственным равнодушием возносящих на Крест Сына Божия римских воинах.

Услышите о коварном ученике-предателе, попирающем дружбу, благодарность и все святейшие чувства, которыми украшается человеческое бытие на земле.

Услышите об ослепленных страстию книжниках и фарисеях, которые с унижением для себя испросили не пощады, не помилования, не всепрощения Иисусу, но осуждения, смертный приговор.

Услышите о человекоугодливом судье, Пилате, приговаривающем на смерть невинного, спокойно отдающем на пропятие величайшего и святейшего Чудотворца.

Услышите о том, что на защиту невинного своего Владыки готовы восстать и солнце помрачающееся, и трепещущая земля, и вся тварь содрогающаяся...

Внимательно прослушав историю страданий Иисуса Христа, поймете, что Иисус Христос Своєю смертью примирил нас с Божественным правосудием.

В истории страдания Иисуса Христа ни одна черта, ни одно слово не исчезает без особого спасительного смысла. Лествица, по которой Иисус Христос взошел на Крест,— это наши грехи. Грехи создали Крест. Гвозди, которыми Он был пригвожден,— наши грехи; терны, из коих сплетен был Его венец,— все наши же грехи!

Таким образом, Сам Бог явил людям Свою бесконечную любовь. Для спасения Своих порочных и строптивых чад Он Сам восходит на Крест. С этой минуты крест делается знаком спасения и освящения. С этой минуты каждый христианин, возлагая на себя крест, должен знать, что в кресте заключается таинственное сочетание правды, милости, суда и прощения, святости и упования. Сын Бог, как Божественная Премудрость, указал средство поразить грех со всей строгостью, но не погубить грешника. И несомненно, все мы укроемся под тенью заслуг Спасителя в день последнего суда и воздаяния.

О, как было бы желательно, если бы мы сегодня же, у подножия Креста сложили свои немощи, отринули свои похоти и страсти и стали жить так, как велел жить наш Владыка и Искупитель! Аминь.

ВЕЛИКАЯ ПЯТНИЦА

«Отче, спаси Мя от часа сего» ([Ин. 12:27](#)), воскликнул Сын Божий, предузрев Свой близкий исход, и Сам же присовокупил: «но сего ради приидох на час сей». Этот час настал. Пастырь добрый положил жизнь Свою за овцы Своя ([Ин. 10:15](#)).

Таинственный, непостижимый час! Сын Божий преисполнен внутренних и внешних скорбей до последней степени, до последнего вздоха. «И не бе утешай, и не бе скорбь». «Утеха Израиля», друг и покровитель всех угнетенных, забытых, несчастных и отверженных, всеми оставлен. Он, Спаситель, взывал к Богу Отцу: «Боже Мой! Боже Мой! вскую Мя еси оставил» ([Мф. 27:46](#)). Целитель сокрушенных сердец испытал боль заушения, терноношения, бичевания. Он вопиял воплем крепким, со слезами, ибо видел, что удалить страдания невозможно. Но что значит эта боль в сравнении с душевными страданиями, испытанными Иисусом Христом при виде бессердечности окружавшей Его среды? Этими печальми неисцелимо болела Божественная душа до минуты, когда предала Себя в руки Бога Отца. Предательство Иуды, сон и бегство учеников, отречение любимого, искреннейшего Петра, издевательство прислуг первосвященника, бессмысленные вопли неблагодарной черни, насмешки от Ирода, глумление от воинов, сопоставление с разбойником, несправедное осуждение, крестоношение по улицам многолюдной столицы, стыд обнажения среди самодовольно-невежественных зрителей, злорадования, брань сораспятого злодея... О, поистине возлюбленный Спаситель наш понес на Себе наказание и грехи всего мира. Только разве вечная мука может быть равной *«болезни неисцельной»*, какую испытало сердце Человеколюбца.

Начальник жизни, Чудотворец, возвращавший других к жизни, обречен на смерть. Умирает Он. Умер. За грехи наши умер!

Вечное *«Слово Отчее»*, создавшее всяческая и возвестившее миру беспредельное милосердие к грешникам, смолкло.

«Солнце правды», воссиявшее миру, чтобы рассеять глубокую, мертвую мглу извращенных дел и всем явить правду Божию, светлую, *«яко свет... и яко полудне»*, зашло при непроницаемом мраке клеветы, даже с укорами в богохульстве. Страшный, непостижимый сей час! Нашим бранным очам видится один образ Божественного и живоносного тела Господа нашего Иисуса Христа, тела безмолвного и бездыханного. Он не имеет ни вида, ни славы, ни доброты, умален, отвращен, поруган.

Приидите же, отцы, матери, супруги, дети, старцы, юноши и девы, приидите, сыны человеческие, окружим сей образ гроба нашего Спасителя. «Приидите, поклонимся и припадем» ([Пс. 94:6](#)), преклоним колена пред лицом Господа. Приидите, *«восплачемся пред Господом»*, как одно осиротевшее семейство Его, как плоть от плоти Его и кость от костей Его. Отверзем внутренний слух нашего сердца. Пречистые язвы нашего Спасителя без внешнего голоса возвещают тайны спасения нашего. «Имеющий уши да слышит»!

Слушайте и смотрите! Вот Царь царствующих и Господь господствующих имеет на Своей главе венец, не драгоценными камнями украшенный, а сплетенный из терния. Кто сплел для Жизнодавца этот многоболезненный венец? Человеческая гордость, безумное тщеславие. О, если мы действительно любим своего Спасителя, то в кротости, смирении и терпении сохраним закон веры и послушания слову Его во все дни жизни нашей, пока бьется в нас жизнь сердца. Если любим нашего Христа Спасителя, если нам кажется страшным день воспоминания Великой Пятницы, страданий Иисуса, то не прибавляйте к болезненному Его терновому венцу терний своих грехов и беззаконий.

Слушайте и смотрите! Боголепное, пресветлое, блиставшее *«яко солнце»* лицо Сына Божия

руками презренных тварей поругано. Живущий во свете неприступном, на Него же [ангелы](#) не смеют без трепета взирати, не отвратил лица Своего Божественного от страданий затем, чтобы душам верующих возвратить в Вечном Царстве ангелоподобную красоту. Блюдите же себя, чтобы безгрешный Первосвященник и Царь славы не отвратил от нас пресветлого Своего лица, когда явится во славе Своей, узрев наши лица, покрытые явными и тайными следами похоти и суеты. Если любим Спасителя нашего, то перестанем умножать своей преступной чувственностью, страстным самопрельщением претерпенных Им поруганий.

Слушайте и смотрите! Его зиждительные руки, благословлявшие, благотворившие, чудодействовавшие, растянуты, прободены и пригвождены к древу смертной казни. Если любите Человеколюбца Христа, то не простирайте своих рук к хищению и неуважению чужой собственности, к насилию над трудом и силами своих ближних.

Слушайте и смотрите! Вот пречистые стопы, никогда по пути грешных не ходившие, вносившие с собой в жилища человеческие молитву, мир, отраду и вечное спасение, истерзаны, прободены острием железа. Если любите благодетельнейшего Подвигоположника нашего спасения, то утверждайте себя в верном и неуклонном хождении по пути святых людей, Господу благоугодивших и благоугождающих.

Слушайте и смотрите! Иисус, Сын Божий, не имевший, где главу подклонить, где же наконец ее преклонил? На Кресте! Греха не сотворивший, Он умирает как тягчайший грешник. Смиранный и бескорыстный, строгий к Себе людьми, Им облагодетельствованными, учениками, слушателями, «свидетелями Его чудес и разума» (Златоуст), даже целым правительственным синедрионом обзывается льстецом, обманывающим народ. «Ревнитель истины поруган сквернителями Церкви Божией» ([Блаженный Августин](#)). Если любите Спасителя, то не бойтесь страданий, причиняемых своими и чужими, от сродников и от разбойников. Не бойтесь, если долгие дни и годы нашей жизни протекают среди мглы и хаоса сомнений, воздвигаемых неверием века, выдающего призраки за истину и принимающего истину за призраки. Спаситель всегда с теми, кто Его любит. Он, добрый пастырь, проведет нас «сквозь дебри» опасностей, искушений, заблуждений и страданий. Без Господа все это ужасно; с Тобою, мой Спаситель, это и все другое не страшно!

Да напишется в сердцах наших неизгладимыми чертами Божественный образ «Распятого за ны при Понтийстем Пилате». Лобызая устами и сердцем живоносные язвы «нас ради» Пострадавшего, запечатлеем снова, пред этим изображением страстей Христовых, нашу веру, надежду и любовь к Нему. Верующим сердцем над сим вместообразным гробом прольем слезы благодарности, хваления и поклонения, да и в день преславного Воскресения «внидем в радость Господа Своего». Аминь.

Гроб нашего Спасителя и Господа! Приблизимся к нему всеми силами и способностями нашей души: мыслью, чувством и волею. Нигде, как здесь, никогда, как в этот великий, спасительный час, не требуется от христианина такого полного и всецелого безмолвия. Смотри: чудо спасения миру нисходит от Креста. Смотри: жизнь вечная заключена в этом гробе. Величайшие тайны, изумляющие своей непостижимостью умы мудрствующих, но глубоко внятны искренним сердцам. Сын Божий «язвен бысть за беззакония наша... язвою Его мы исцелехом», восклицал вдохновенный пророк.

Но сомнение — печальный недуг нашей природы. Оно спрашивает: зачем эти язвы? Где исцеление? В мире все идет естественным путем, что было прежде, то будет и впредь.

Но когда младенец рождается слабым, едва дышащим, сомнительно, что это так и должно быть. Нет, это знак, что в болезнях мать рождает свое болезненное дитя, а болезнь не есть явление естественное, законное. Это образ того, что как болезненный младенец нуждается в особенной помощи матери или кормилицы, так и для духовного развития погрязшего во грехе

человечества нужен руководитель и воспитатель.

Встречаем дерево кривое — никто не скажет, что оно должно расти кривым, всякий согласится, что оно было бы красивее и пригоднее, если бы было прямее. Никакое земное воспитание не в силах избавить род человеческий от кривых путей, от заблуждений и страстей. Самый взгляд на искусство воспитания вызывал и вызывает столько предположений, которые на деле так непригодны, что оказывается нужным закрывать их действия и создавать новые методы, новые приемы. Умножаются изобретения, но еще не изобрел человек искусства, чтобы все около него были добры и счастливы. Обогащаемся познаниями, но заглянем в душу образованных людей — кто водворит в них покой, кто заживит раны совести?

Да, нам нужно исцеление — и «действительно» явился Врач с неба, так как по роду болезни не могло быть врача на земле. Нужен был восстановитель человечеству — а восстановить его мог только Господь природы. Для нашей совести нужен примиритель — и сказал Господь душе грешной: Я тебя не осуждаю. Нужен законодатель — и нет и не будет в мире выше и чище закона Христова. Нужен Спаситель — и Он до того благ и так объемлет все любовью, что даже не затворил дверей Царствия Небесного для презренных отверженников общества.

Душа слабая, нежная и мятущаяся, тревожная, недоумевающая, часто ищет уроков для жизни. Многие спрашивают, как нужно любить Бога, как нужно любить ближнего, как нужно жить на свете.

Ах, не спрашивайте об этом никого. Никто вас не научит, никто вам не разрешит вопроса о добродетелях своими умствованиями: взгляни, христианин, на распятого Господа и тогда сам поймешь, что значит любовь истинная, что значит терпение, преданность, незлобие. Все найдешь во гробе Спасителя, всему научишься у Креста!

Мятущееся, разбитое сердце грешников и грешниц ищет средств покаяния. Пред ними память вызывает призраки содеянных грехов, воображение оживляет их в мрачной картине. Давний грех восстает в памяти, смущает, унижает, поражает ум, пронзает сердце, колеблет волю, сквернит воображение, затемняет воспоминание о днях юности, обманутой в своих надеждах. Где заглаждение, где облегчение? Где лежит дорога на новый путь? Здесь.

Обними мысленно живоносное тело Спасителя, и душа твоя станет чистой плащаницей. Он, Утешитель, успокоит и наставит тебя на всякую истину. Он укажет тебе пути; даже более — Он тебя возьмет и пойдет с тобой, поведет тебя, так как Сам сказал: «Аз есмь путь и истина и живот» ([Ин.14:6](#)).

Приблизьтесь ко гробу Спасителя. Из него сияют спасительные язвы и терновый венец, изъясняются тайны нашей судьбы. Бедствующие, униженные, покинутые, под гнетом гнева и страха томимые, нуждающиеся, люди без места и службы, не имеющие или утратившие состояние, люди без крова, родства, узнайте: голгофский Страдалец прошел чрез всю пучину утрат, лишений и оскорблений и взшел на неизреченно могучую славу. Широкий путь многих ведет в пагубу; тесные пути и незаслуженные страдания облегчают утружденное сердце — вот Его проповедь. Она должна достигнуть нашего сердца, если оно не оледенело, если для нашего сердца Христос есть живой Бог, а не остается Он только изображенным на холодных досках, к которым прикладываются бесчувственные уста.

Но вот мы приблизились к гробу. Гроб напоминает о бездыханном мертвеце. У кого же из нас их не было? Невольно наша мысль перенеслась к нашим друзьям, к нашим сестрам и братьям, которые также в минувшие годы проводили с нами в молитвах надежды и упования этот день и дни светлых праздников. Что они? «Успокойтесь за почивших во Христе», говорит Спаситель. Их смерть — блаженное усение, их жизнь бесконечна. Я есмь Воскресение и Жизнь. Мир соблазняет — Я научаю. Мир льстит — Я учу труду. Мир отравляет объедением —

Я учу воздержанию, трезвости».

Успокойтесь, вдовы осиротевшие, за тех, с кем расстались в этом мире до свидания в вечности: они зрят теперь Иисуса прославленным, а нам, облеченным плотью, подверженным напастям, скорбям и искушениям, должно взирать еще на Иисуса страждущего. Успокойтесь: если мы по временам бываем способны мыслью и чувством присутствовать на небе, то и наши друзья, с верою отошедшие с земли на небо, не мыслью только, но и всем существом своим теперь с нами у гроба общего нашего и их Спасителя.

Они, наши загробные друзья, простирают к нам свой пример. Сколько бы мы ни старались забыть бренность бытия нашего, но настанет для каждого из нас свой последний час; для каждого из нас придет Великая Пятница, страшный, гневный день смерти. Сдружайтесь же заранее с мыслью о смерти, соединяйте эту мысль с смертью Господа Иисуса Христа. Он нас утешит, говоря: *«Преподобному не дам видеть истления»*. Он говорит: *«Будь только верен до смерти — и, кто бы ты ни был, будешь в Царствии Небесном, завещанном всем гонимым за правду»*.

И всем нам, изнемогающим под крестом жизненного горя, Христос от святой плащаницы вещает: *«Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога, и в Мя веруйте»* ([Ин.14:1](#)). Сия глаголю вам, да радость Моя будет вовек, и радость ваша не отъемлется. Аминь.

«Той же язвен бысть за грехи наша» ([Ис. 53:5](#)). Великий, святой тайновидец своим духом созерцал страждущего Человека, поруганного, не имеющего ни вида, ни доброты, умаленного паче всех сынов человеческих. Этот Страдалец, поражаемый горестью и клеветой, в глазах пророка подобен незлобивому агнцу безгласному. При всей лютости мучений не отверзает Своих уст. Он не сотворил никакого греха. В Его устах не было лести. Он не владел никаким имуществом; был беднее птиц, у которых есть гнезда, одиночнее затворника, у которого есть келия — пещера. И такой Человек был причтен к беззаконным, с ними был вознесен на Крест, повешен, умерщвлен.

За что же Он терпел так много? Почему Он испил до конца столь горькую чашу страданий беспредельных, несравненных даже для усеянной неправдой и злобой земли, небывалых ни прежде, ни после, никогда небывалых? Углубляясь в разрешение этих вопросов, пророк, свыше озаряемый, поведал тайну Божию: *«Той же язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на нем, язвою Его мы исцелехом»* ([Ис. 53:5](#)).

Его смерть — цена искупления нашего спасения. Его язвы — исцеление для всех недужных. Его наказания — закон оправдания грешных: *«язвою Его мы исцелехом»*.

Нужно ли ныне для нас, детей Православной веры, истолкование пророческого видения, когда пред лицом всех находится живое изображение Того, Чье имя сокрыто пророком? Не вопиет ли громко небо и земля в настоящий день Великого Пятка, что распятый на Кресте Господь — тот самый Агнец, закланый за грехи мира, возвещенный боговдохновенным пророком? Не ту же ли истину поведал святой апостол Петр в своей проповеди, сказав: *«Иже греха не сотвори, ни обретесе лесь во устех Его: иже укаряем противу не укаряше, стражда не прещаше, предающе же судящему праведно: иже грехи наша Сам вознесе на теле Своем на древо, да от грех избавише, правдою поживем: Егоже язвою исцелесте»* ([1 Пет. 2:22—24](#)). Не во истолкование ли того же светозарного пророческого видения Дух Святой вложил в сердца благообразного Иосифа и благочестиво-мудрого Никодима воздать последний долг человечества, *«нас ради человек и нашего ради спасения»* Пострадавшему, почтить Его святейшее тело как царское, одеть в богатую плащаницу, помазать благоуханным миром и положить в своем новом гробе?

Вспоминая ныне смерть Жизнодавца и не желая быть только равнодушными зрителями предлежащего образа, прочувствуем умом и сердцем великий догмат искупления всего мира.

Содержание догмата возвышенно, но внятно: «*правосудие Божие*» изрекло безжалостный суд закона над преступниками, но «*милость Божия*» явилась посредницей примирения Бога с людьми. Почувствуйте, пел царь Давид: здесь «милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются» ([Пс. 84:11](#)). Сын Божий Своей волей пострадал за грешников, приобщился плоти и крови их, простер Свои пречистые руки на Кресте, возвестил, по выражению апостола Павла, «мир... дальним и ближним» ([Еф. 2:17](#)), примирил земное и небесное. Умер Единый, но искуплены все, ибо и осуждены все за грехи одного. Согрешил человек, а искупил Сын Божий, Он, Предвечный и Единородный, испил смертную чашу до последней капли в глубокой преданности воле Отчей, претерпел страдания и болезни адовы, испытал всю тяжесть и строгость Божественного правосудия.

Смерть Иисуса Христа попала вечную смерть, оставаясь на все времена действительным врачевством, исцеляющим болезни души. Если кто страждет честолюбием, пусть помолится у гроба Уничиженного, называвшего Себя Сыном Человеческим. Молитвенное обращение к Нему смирит, сокрушит злую человеческую гордыню.

Если кто связан духом любостыжательности, недугом сребролюбия, скупости, коварной алчности, то пусть представит своим больным завистью очам Иисуса, обнаженного, на Кресте. Чье сердце не устыдится и не отворачивается гадких стремлений прибытка и наживы?

Омраченные сластолюбием, невоздержанием, пьянством, сладострастием похотствующей крови и плоти, устыдитесь! Омойте нечистоту свою слезой покаяния, облобызайте благоговейным лобзанием образ святейшего святых Спасителя Своего, положившего жизнь Свою за грешников; вы освятитесь, отойдете от святой плащаницы чистыми, как младенцы от купели святого крещения!

Ободритесь вы, терпящие напасти и всякие житейские искушения, приникните к святой плащанице, изображающей Господа Иисуса, искушаемого всячески: Он только в силах нам, искушаемым, оказать помощь, оградить нас от искушений, освободить от немощей и зол.

Он, не сотворивший ни одного злого дела, Он, не мысливший ни о каком грехе, всем благодетель, неблагодарностью и злобой человеческой преданный бесславию, позору, мучению и крестной смерти, оставил неумирающий пример терпения в скорбях для всех Своих последователей в Своих крестных страстях. Он обещает награду на небесах и вечную славу всем приобщившимся страданиям Его на земле.

От предстоящего святейшего гроба святая Церковь передает нам еще два безмолвные, но сильные поучения: бойтесь преследовать и обижать невинных, кротких, добрых людей, чтобы не уподобиться гонителям Иисуса Христа. Учитесь страдать за исполнение своего долга, за истину, за правду, как страдал наш Искушитель — тихо, молчаливо, мужественно.

После невыразимых томлений, после громкого вопля к Богу Отцу, после великого слова: «*Совершилось!*» крестный Страдалец издше. Сомкнулись святые уста, угас небесный взор, непорочнейшее тело объял холод смерти. Смерть вполне овладела своею жертвою, враги вполне могли бы ликовать: ведь смертью все заканчивается. Но их злобное торжество не было продолжительным, равно как и торжество самой смерти, ибо в третий день Иисус победно воскрес из мертвых!

Что же такое была смерть Иисуса Христа? Она не имела сходства со смертью, прекращающей человеческое бытие, какой умирают люди. Его смерть была смертью нашей смерти. Он Своею смертью «*смерть поправил*». Его смерть была последней данью страданий за нашу виновность, уплатой вечного долга, последним взносом оброка. «Оброцы бо греха,— говорит апостол,— смерть» ([Рим.6:23](#)). Господь заплатил за нас этот тяжкий налог. А когда заплачен оброк, налог или долг, тогда уничтожаются само собою и притязания заимодавца. После смерти Господа ни смерть, ни грех произвольный, ни первородный не имеют уже

прежней неограниченной силы и значения. Умер Начальник жизни, и апостол смело спрашивает: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» ([1Кор.15:55](#)).

Преклоним колена и голову пред гробом Божественного Страдальца со скорбью сердца о своих грехах, с тоской сожаления о смерти неповинного Сына Божия, но и восстанем с радостью за победу, одержанную над смертью Христом, восхваляя устами и сердцем Пасху, Пасху спасительную, Воскресения день. Просветимся людие: мужи и жены, старцы, юноши и отроковицы. «Христос бо воста: веселие вечное». Аминь.

Вот изображение пречистого тела Господня в том виде, как оно, снятое со Креста, положено было во гроб! Взирая на это изображение, не знаю, чем мне начать речь свою о нем — словами или слезами.

Что Ти засвидетельствую или что уподоблю Тебе? Кто Тя спасет, и кто Тя утешит, и кто Тя исцелит? — такие плачевные звуки исторглись из сердца ветхозаветного скорбящего пророка, прозиравшего тайну страданий Иисуса Христа ([Плач 2:13](#)). Никто не утешил, никто не спас. Глазам нашим предстоит безмолвный гроб.

Еще прежде солнца Солнце зашло во гроб. «Жизнь во гробе» полагается и ангельские воинства ужасаются. Премудрость, веками неисчерпаемая,— в этом живоносном гробе: он вызывает в христианине все силы чувства, то возвышая их до неба, то низводя до сознания нашего ничтожества.

Говорить при гробе смертного человека нелегко; отверзать слово пред плащаницей — страшно; сердце изнемогает под тяжестью сокрушающей скорби.

Плакать ли? Но Христос не хочет, чтобы плакали о Нем. Плачьте о себе и о чадах ваших, говорит Он, видя слезную, рыдающую тоску иерусалимских женщин.

Приблизимся ко гробу с полным благоговением, с верой и страхом Божиим и взглянемся в Божественный образ Страдальца, начертав в себе Его бессмертные черты.

Вот Он... Наставник мудрости, свидетельствовавший истину во всем ее величии... Он возвещал правые пути жизни всем без различия; Его поучения вняты старику и отроку, иудею и эллину, работнику и вельможе. Кому нужна святая истина? Всем, кому нужен свет. Да, всем нам. Примем же обет у гроба величайшего Свидетеля ее: искать истину, не скрывать ее в неправде человеческих мнений, возглашать ее, не изменять ей даже тогда, когда за свидетельство ее ставят для нас позор и крест...

Вот Он, друг и благодетель человечества... Слепые, глухие, хромые, больные стекались к Нему; мытари, блудницы, осмеянные, озлобленные, презираемые приближались к Нему, и Он, друг человечества, к ним братски приближался. Он был утехой и радостью скорбящего... Надо признаться, и ныне неисчислимо множество несчастных и множество погибающих, которым нужен голос любви, сострадания и благотворительности. Возьмем же у этого спасительного гроба урок братства и любви к ближним: откроем им свое любящее сердце и будем стараться взыскивать погибших, поднимать падших и давать опору падающим...

Вот Он... Подвижник добродетели, это истинный праведник. Даже ужаснейший в мире человек — Иуда исповедал, что предал «*кровь невинную*». О, здесь каждая смертная язва на челе, руках и ногах — свидетельство добродетели, чистоты, терпения и мужества... Нужно признаться, что напасти века не исчезли с лица земли. Бывают случаи, когда благочестие и добродетель вменяются в преступление и честный человек вменяется со злодеями... Бывают ужасные случаи ослепления века. Но вот здесь показано, как сражаться с пороком, как терпеть, как вести себя в грозный час смерти!

Вот Он... в образе смертного. Его пречистое тело, изъязвленное, истерзанное, лежит хладно, недвижимо, беззащитно, беспомощно... Смерть ужасна. Кому из нас не приходилось стоять у дорогих гробов... Кого из нас не ужасал один вид холодной, бесприветной, безгласной могилы...

Кого из нас не томил вопрос: неужели только ради того и жил человек, чтобы его после трудной жизненной борьбы опустили в могилу бездыханным мертвецом?.. А дальше что будет?.. Неужели наше сердце, способное чувствовать, окаменеет? Неужели дух испарится, бесследно исчезнет? Неужели?

Среди мглы и хаоса сомнений, вызываемых личными муками ума и сердца, легко принять призрак за истину и самую истину за призрак. Но Целитель сокрушенных сердец, Чудотворец, Сам Виновник жизни «преклонь главу, предаде Дух» (Ин.19:30), сошел во гроб, чтобы самый гроб сделать для нас дверью в Царство жизни, света и блаженства. Божественные длани, распростертые на Кресте и теперь сложенные на персях, выразили желание любви Его принять в Свои объятия грешников всех мест, времен и народов для празднования вечной Пасхи.

Слушайте! Из живоносного гроба Спасителя раздается к нам краткое, но ободряющее изречение: «Аз не сужду ему... слово, еже глаголах, то судит ему в последний день» (Ин. 12:47—48). Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Мя веруйте. Аминь.

Мы собрались вспомнить то самое зрелище, которое выходил некогда смотреть народ Израильский, по словам евангелиста Луки, «биюще перси своя» (Лк. 23:48) от ужаса. Видение страшное: поругана, оклеветана, изъязвлена позором в лице Христа правда, истина и красота. Ужаснись о сем, бояйся, небо, и да подвижутся основания земли!

Приблизьтесь, дети, к гробу Жизнодавца Отца. Вот тело Христа, окровавленное, изъязвленное, истерзанное, от ног до головы не имеющее целости. Это видение ужасом охватило душу пророка, который в тяжкой, вдохновенной скорби мог только сказать: вижу Христа не имущим *«вида, ниже доброты; вид Его безчестен, умален паче сынов человеческих!»*

Посмотрите!.. Пречистая глава, которая Своей премудростью устрояет и управляет судьбой и мира, и каждого человека, измыслившая дивное средство спасения мира,— эта глава до самого мозга изъязвлена колючим тернием. Словно сама земля, проклятая за дела человека, помогала окаянному делу беззаконников, возрастив терния на пречистую главу нашего Спасителя!

Посмотрите!.. Очи Спасителя нашего потемнели. Они залиты кровью и слезами. Потухли эти очи, которые так светло и спокойно смотрели на всех; светлый взгляд ясных глаз Христа радовал и восхищал любящих Его, утешал печальных и горяющих, умилял жестокосердых и скупых и обращал к покаянию грешников всякого рода и всякого свойства.

Посмотрите!.. Лицо пречистое, на Фаворе сиявшее как солнце лучами Божественной славы, ныне имеет вид бездыханного трупа. На нем следы бесчестия, оплевания. Оно посинело от ударов безжалостной руки.

Посмотрите!.. Вот уста, проповедовавшие правду и милость, научавшие благоговеть пред добром, изливавшие истинные понятия о небесной любви... и на эти уста смерть наложила свою печать: закрыты они. Умолк прекрасный голос, неподвижен благоглаоливый язык. Ужасно! Кто же утешит плачущих сирот, бесприютных, бездомных, беспомощных и одиноких? Кто словом исцелит больных?.. Кто скажет грешнице: отпускаются тебе многие грехи твои? Кто скажет нам, не умеющим сдерживать мук душевных, тоски сердца: перестаньте, не тужите, Я вас не осуждаю?

Посмотрите руки. От прикосновения их самая смерть содрогалась: выздоравливали неисцельно недужные, мертвые восставали. Эти руки несли объятия и благословения счастья всему доброму, справедливому и прекрасному. Посмотрите, они измучены, они насквозь изъязвлены острыми, длинными железными гвоздями, на них были тяжелые цепи, они посинели от уз... И на пречистых ногах язвы, и ребра прободены...

Зрелище ужасное. Распявшие Спасителя, приговорившие Его к распятию, их соучастники и единомышленники, приходившие смотреть Страдальца, приходили и возвращались в ужасе, «биюще перси своя». Неужели и мы отойдем от этого гроба, биюще себя в перси?..

Не этого ждет от нас Спаситель. Внешние знаки участия и сострадания, бесспорно, не имеют в себе ничего неправильного. Но весьма часто в жизни внешнее выражение участия, сострадания, почтения не отвечает силе чувств внутренних, другими словами, бывает фальшиво. Нужно ли поминать у этого гроба про Иуду, который поцелуем и лобзанием предал Христа? Нужно ли вспоминать двоедушного Пилата, который много раз выражал усердие спасти Иисуса и сам же осудил Его на смерть?

Нет, у этого Креста для нас нужен другой пример сострадания. Вот пример Богоматери. Она, любившая Своего Сына, как ни одна из земнородных не может любить своих детей, Она безмолвной стояла у Креста. И как привыкла слагать все глаголы Божии в Своем сердце, так и теперь втайне приносит Господу жертву терпения, преданности и упования.

Научимся из этого примера, что внутреннее сострадание дороже наружного; внутренняя молчаливая любовь сердечная ценнее внешней; внутренняя, умная молитва духовнее и выше наружной. Ныне из этого гроба и могилы слышится больше утешений, нежели в состоянии наговорить нам иные уста, полные лести, злобы, лжи, разврата, вероломства и коварства.

Кажется мне, что в эту минуту от плащаницы всем нам говорит наш Божественный Страдалец. Слушайте, что Он говорит каждому из нас: *«Я тебя возлюбил до конца, люби и ты Меня. Ничего Мне от тебя не нужно, только любви; хочу твоей любви и ищу ее; стою день и ночь у твоего сердца. Для тебя Я трудился, постился, алкал, жаждал, претерпел мучения и умер. Я за все это желаю получить от тебя одно: любви. Да любиши Мя»!*

Судите сами, что нам сказать в ответ; мне кажется, что у плащаницы каждый из нас должен отвечать этими библейскими словами: возлюблю Тя, Господи, Крепость и Сила моя. Возлюблю Тя, Господи: Ты мой покров, Ты мое радование, Ты мое утверждение и прибежище мое! Аминь.

Совершилось! Неужели умер Он, наша надежда, наша радость и любовь? Да! Умер Богочеловек! Лютые муки заушения, терноношения, бичевания и распинания прекратились. Неисцельные скорби душевные престали.

Гроб и крест пред нами! Приблизься же, осиротелое семейство, к дорогому гробу, «восплачь пред Господом» ([Пс. 94:6](#)). Вырази сочувствие беспредельным страданиям Того, Кто положил за тебя Свою душу ([Ин. 10:15, 17](#)). Грустно и тяжело, если в своих сердцах мы не найдем даже в этот час чувств достойных для Целителя сокрушенных сердцем ([Лк. 4:18](#)).

Взгляни, человек, Кто пригвожден на древе осуждения. Тот, Кто принес в мир Божий правду, Кто явил миру свет утешения и просвещения. Уйдите же от этого гроба клеветники; удалитесь богохульники: вы загасили свет жизни в Спасителе, вы Спасителя Христа причили к душегубцам и злодеям!

Возри, осиротевшее семейство, на эти зиждательные руки, благословлявшие, благодетельные, чудодетельные!.. Они растянута и пригвождены к древу жизни... Удалитесь же от этого гроба все хищники, все те, на совести которых лежат нераскайно дела насилия и беззаконий!..

Возри, осиротевшее семейство, на эти поклоняемые стопы, вносившие в грады и села, в жилища человеческие мир, отраду и вечное спасение... Они истерзаны и прибиты к древу позора! Удалитесь же от этого гроба все сквернители, паче Господа являющие себя ревнителями Церкви Божией,— все льстецы, обманывающие народ именем Христа и Сына Божия; духовенство, торгующее благодатью Святаго Духа; не прикасайтесь ко гробу все притязатели на славу человеческую, на богатство земное...

Судие и Ведче! Видим Твой вовек незабвенный образ... Твое ли это лицо на древе проклятия, не имеющее ни вида, ни славы, ни доброты?

Скорбь наша по Тебе велика, ее не высказать словом, ее нельзя обнять даже мыслью. Мене ради осужден Ты, Господи!

Но и скорбь может быть неразумной и легко перейти в злое уныние. Незлобивый Господь наш этого не хотел. Поищем другого способа выразить Спасителю нашу любовь и скорбь.

Вот на персях почившего Страдальца возлежит завещание. Раскроем эту книгу и из нее прочтем указание и наставление, как нам жить и что делать. На ее страницах начертано: «Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Мя веруйте» ([Ин. 14:1](#)). «В мире скорбни будете: но, мужайтесь, Я победил мир» ([Ин. 16:33](#)). Кто любит Меня, тот и заповеди Мои соблюдет. «Кто хочет идти за Мною... тот пусть возьмет крест свой, и по Мне грядет» ([Мк. 8:34](#)).

Готовы мы, Господи, из рук Твоих принять и крест! Не дай нам изнемочь и пасть при несении его!

«Но вот и еще: обещаю вам Царство... Чадца мои, «да любите друг друга»! «Сие заповедаю вам: да любите друг друга!» ([Ин.15:17](#))

В исполнении этих заветов заключаются средства успокоения и утешения против немощности телесной, ибо человеческий дух бодр, но плоть его немощна. Вот где средства спасения, да не растрится человеческая плоть, да не растрится дух человечества! Такова проповедь Креста и гроба.

Вера и терпение до последнего дыхания жизни, любовь и милосердие и всепрощение без конца — такова сила страстей Христовых.

«Поклоняемся страстем Твоим, Христе!»

«Покажи нам и славное Твое воскресение!»

Аминь.

Страшные празднества совершаются эти три дня в Церкви. В среду сердце наше было полно скорби и негодования на измену Иуды, предавшего за деньги совесть, Христа, Бога. Сердце наше и наша совесть были колеблемы смущением... А мы не способны ли дать коварное лобзание? Приходят на память случаи, когда поцелуй и вероломная речь продавали и дружбу, и святую любовь!..

Вчера, в четверг, мы поклонялись пречистым страстям Христовым. Слушая эти Страсти, мы слышали голос человеческих страстей. Слышали мы о ленивых учениках, не решавшихся пожертвовать часом бодрствования для Того, Кто им был в Отца и Учителя. Видели злобных начальников, слышали о лицемерных фарисеях, слышали несправедный приговор суда, слышали про лицеприятного Пилата, слышали про клики грубой толпы, готовой покарать праведника с мыслью, что она совершает доброе дело, исполняет некоторый подвиг... При слушании об этих неправдах опыт и сердце и совесть смущались. Невольно память вызывала в прошедшем много, много случаев, когда и мы бывали, говоря языком правды, палачами там, где около нас стояли малосильные, доверчивые, безвинные жертвы.

Благо и честь человеку, который не был так или иначе тираном. Обозрим постоянные явления обыденной нашей жизни. Вот слезы, пролитые в тиши домов от обидчика-мужа, от нетерпеливой и лукавой жены, от грубого, непослушного сына, от непослушной и своенравной дочери, от обманчивого друга,— разве это не безвинная мука? А эти вздохи, конфузливая, униженная робость и страх людей маленьких, людей нуждающихся и обремененных — разве это не следствие диких человеческих страстей?

Вчера при таких размышлениях становилось грустно: зачем это все было? Зачем были мы жестоки и за что к нам были нежалостливы?.. Настает *«сегодня»*. Сегодня самый печальный день. Сегодня самые страсти замолкли. Сегодня вся Церковь плачет и не хочет даже дать верующим литургию. Она предъявляет сегодня верующим только *«гроб и крест»*.

Стань, человек, над плащаницей и крестом! Скажи, что ты видишь, и, если ты в состоянии отчетливо отвечать, скажи, что ты чувствуешь?

Посмотри на своего Спасителя! Посмотри, вот жертва человеческих страстей. В угодность

им вами она умучена! Но посмотри! Вид жертвы трогателен... Сам Пилат, сам палач не мог при взгляде на Божественного Страдальца сказать другого слова: «*Се, человек!*» Что же нам, братья, делать? «*Покаяться!*» — говорит нам Евангелие, лежащее теперь на плащанице, как завещание умершего Господа всем нам, оставшимся в живых.

«*Примириться с Богом*» — говорит то же завещание. Всякий, кто грешен, следовательно, всякий, кто человек,— «*примиритесь с Богом!*» ([2 Кор.5:20](#))

Перестаньте раздражать вашими грехами Всемогущего и Всеблагого. Перестаньте утомлять Его милосердие своим ожесточением, да не подвергнетесь тому, что будете плакать и умолять, но никто не услышит вас!

Примиритесь с Богом! Да падет каждый из нас пред этим гробом и принесет исповедание слезное во всем том, чем он осквернил в себе душевную чистоту, чем нанес вольные и невольные удары своему Учителю и Спасителю... Только тогда и только тогда наше лобзание плащаницы будет чистое, а иначе оно будет лобзанием вероломного врага.

Врачу души! К Тебе повергаем свои болезнующие души: исцели нас, вздыхающих у подножия Креста Твоего. Тебе приносим свое сердце, в котором — увы! — житейская злоба уже разбила лучшие верования, лучшие упования. Мы стали неспособны понимать всю прелесть восторга: все туман и страсти в нас, во всем болезнь и раны неисцельные. Исцели нас, бедных христиан. Обнови, воскреси Своей чудной благодатью разбитое сердце...

«Поклоняемся страстем Твоим, Христе!»

«Поклоняемся страстем Твоим, Христе!»

«Поклоняемся страстем Твоим, Христе!»

«Покажи нам и славное Твое воскресение...».

Аминь.

ВЕЛИКАЯ СУББОТА

Вот и закончился погребальный обряд. Мы пели гимны похоронные, мы своим сердцем возносились к небесам и там искали разрешения недоумений разума: каким образом, выражаясь языком церковного песнопения, Невместимый был ограничен, удержан гробом и печатями? Церковь ныне обращает наш взор к лику Умершего в состоянии Его гробового покоя и здесь, на самой крайней степени Его уничтожения, под этим покровом мертвенности указывает в Его крестных страданиях и смерти чудную глубину вольного *«Божественного истощания»* (песнь 4, ирмос). Этот Мертвец, заключенный во гроб под землю, есть Тот державный Господь, Который Сам некогда покрыл *«волною морскою гонителя и мучителя»* отцов его распинателей и был прославлен от них потом победными песнями. Церковь побуждает нас с трепетным благоговением смотреть на этот гроб, как на *«неизреченное чудо»* (песнь 7, ирмос). Всесильный Бог, сотворивший бесчисленно многообразные чудеса, *«во гробе мертв бездыханен полагается»* (песнь 7, ирмос) для нашего спасения. Она обращает все наше внимание на то великое событие, потрясающее ужасом небо и основания земли, как *«в мертвецах вменяется в вышних Живый, и во гроб мал странноприемлется»* (песнь 8, ирмос).

Указав на все это, Церковь нынешнюю субботу называет *«Великой»*. Чувству нашей скорби она дает уже спокойное и мирное выражение. Здесь, у этого гроба, она вызывает в душе вздохи тихого умиления, которые окрыляются священным созерцанием тайн Искупления и Воскресения. Сам Христос запрещает в лице Своей Матери рыдания и скуку. Здесь приличны теперь слезы мироносиц, те слезы, из которых вырастает радость... Это слезы всепрощения, слезы чистого собеседования верующей души со Христом у гроба Его о славной победе добра над злом, истины — над ложью. У этой гробницы полагается в уме светлое убеждение о воскресении, о вечной жизни.

Перед этой гробницей вырастает значение человеческого достоинства и совершенно уничтожается опасение и боязнь смерти. Ведь все мы имеем в себе Духа Святого, следовательно, все мы вступим во врата вечности. Все мы напоены благодатью Духа Божия, Духа разума и премудрости, и не можем, следовательно, не видеть очами веры, что смерть есть не более как сон. Тому умирать страшно, у кого исчезли из души чувства *«веры, надежды и любви»*. А мы все, по милости Божией, веруем, любим и уповаем. Потому-то для нас эта гробница, эти пелены смертные, эта плащаница есть светлый богооткровенный символ и образ, как говорит апостол Павел, того упования, что когда земная храмина тела нашего разорится, то мы получим там, на небесах, другую *«храмину, нерукотворенную, вечную»* ([2 Кор. 5:1](#)).

Итак, Спаситель из гроба велит нам жить без боязни смерти, успевать в христианских добродетелях, трудиться добрыми делами, достигать совершенства. Умножайте свое внутреннее счастье и не бойтесь ни старости, ни смерти, потому что с нами во всем присутствует воля Господня: зло, как бы оно ни было сильно, слабее добра. Как ни неприятна смерть, но ее влияние ограничено; за пределом ее, за рубежом могилы у нас есть небесное отечество; там будет деятельность и жизнь по сердцу; ее даст нам Тот, в честь Которого мы сегодня торжественно поем хвалебные гимны жизни и воскресения, ибо Он сказал: верующий будет иметь жизнь вечную, ибо *«Я есмь воскресение и жизнь»* ([Ин.11:25](#)). Аминь.

Краткие поучения причастникам

Бесконечная и неизглаголанная милость Божия многих из нас уже удостоила принять величайший дар благодати — причастие Божественных Таин Тела и Крови Христовой. Одни удостоились принять Святые Христовы Тайны вчера, другие сегодня, третьи готовятся и ждут воспринять Христову благодать. Этот дар очень велик, и нет в целом мире другого, к которому можно было бы его приравнять.

Величие причастия Святых Таин изобразил Сам Иисус Христос в следующих словах: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь иматъ живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день» (Ин. 6:54). Из этих слов Спасителя мы должны уразуметь: достойное принятие Святых Таин соединяет человека с Богом навеки, навсегда. Такой человек в себе самом носит благодать Божию. Он так же близок к Господу, как близка зеленеющая ветвь с плодоносным деревом, на котором растет. В этом смысле Спаситель сказал Своим последователям: «Аз есмь лоза, вы же рождие» (Ин. 15:5). Только от ветвей здорового дерева можно ожидать плодов. Только здоровая и неиспорченная ветвь способна извлечь из корня древесного живительную влагу. Сухой отломленной ветви нельзя привить жизни. Таким образом, человек, причащаясь благоговейно Святых Христовых Таин, воспринимает в себя способность жизни чистой, святой, такой именно, какую заповедал Христос нам, Своим детям и ученикам. Приняв Христовы Тайны, мы должны свою жизнь украсить добродетелями, должны из себя представить ветви христианства и Православия.

Достоин причастившимся обещана Спасителем вечная жизнь. Спаситель наш Своим учением ведет людей к познанию этой жизни. В Спасителе, как истинном Боге, воплощается эта вечная жизнь. Для человечества Иисус Христос есть Жизнь и Источник жизни. Кто достоин приобщился Святых Таин, тот не умрет. Не страшны такому человеку ни бури жизненных бедствий, ни подводные камни житейских обстоятельств, от которых мы, слабые, так часто и малодушно теряем свою голову. Не страшна человеку тяжелая бедность, не страшна для него ни сума, ни тюрьма, ни обида людская, потому что он — причастник Божий. Бедствия — принадлежность земли; счастье — удел неба. Горе и страдания ранят и терзают только тело; они уязвляют, но не убивают облагодатствованную душу. Всякая жгучая скорбь, всякое страждущее одиночество находит себе успокоение и утешение в Спасителе, не только пролившем Свою бесценную кровь за нас, но и даровавшем ее нам как целебное, чудотворное врачевство, способное воскрешать, животворить, просветлять верующую душу, внести небесную радость в тоскующее сердце.

Достоин причаститься — это уже есть начало Небесного Царства. Удостоившийся благодати Божией не может быть равнодушен к величию Божественных совершенств, которыми он окружен. И станет его жизнь уже не грубое существование изо дня в день, существование, напоминающее бродящую тень или движущийся мертвый труп, но существование благородное, святое, при котором доступно понимание и прожитого, и переживаемого. Раз коснулся нашей души луч Божественной благодати — и мы уже не захотим ходить во тьме или уподобляться неразумным животным. В нашем уме и в нашем сердце слагаются силой Божественной благодати ясные стремления, чистые, благородные. Совесть наша делается стыдливой, желания умереннее, намерения благороднее, воля крепче, да и самое наше бренное тело просвещается славой бессмертия, как храм благодати, как носитель даров благодати.

Помните же, причастники, о цене принятого вами дара благодати. Тяжко и горестно, если сегодня мы — причастники, Божии люди, а завтра опять попадем на прежний путь. Опять поведет нас злая рука врагов невидимых; опять страсти и мутно-грязные волнения, опять

сомнения, грехи и беззакония! Пусть не будет с вами такого болезненного падения. Постараемся сохранить себя в целости. Зачем идти к бездне, когда пред нами лежит прямой, безопасный путь, ведущий к радости и блаженству? Идите с миром, как Богом избранные и Богом очищенные, отдалитесь от дурных товарищей и от вредного празднословия. Не забудьте, что отсюда, из храма, с вами пойдут святые ангелы-хранители ваши. От вас самих зависит решить вопрос, долго ли будут эти небесные гости с вами. А они будут с вами до первого греха... Уйдут ангелы Божии от вас плачущие и рыдающие. Их уход вы также заметите — про то скажет вам ваша совесть. Грустно, если она вам скажет: ты потерял святыню... Отлетел от тебя ангел-хранитель... Аминь.